

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

КАЖДАЯ ЭПОХА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Н. К. ДЖЕМИСИН

«УМНАЯ И
НЕОРДИНАРНАЯ
ФЭНТЕЗИ»

THE NEW YORK TIMES

ПРЕМИЯ
«ХЬЮГО»
ЗА
ЛУЧШИЙ
РОМАН

fanzon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Н. К. Джемисин

Пятое время года

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Джемисин Н. К.

Пятое время года / Н. К. Джемисин — «Эксмо», 2015 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-099245-4

Грядет новая Зима. Мир, в небе которого парят Обелиски, пережил уже много Зим. Одни цивилизации гибнут, возникают другие. А когда землю не сотрясают извержения вулканов, люди все так же ненавидят не похожих на них. Глухачи презрительно называют роггами тех, кто способен слышать землю и двигать горы. Кто они – проклятые или боги в цепях, которых стерегут улыбчивые и жестокие Стражи?.. Иссун, потерявшая сына и дочь и жаждущая мести. Дамайя, преданная родителями и отданная Стражам. Сиенит, все лучше контролирующая свои способности... Но бывают испытания, которые ломают даже богов. Что же станет последней каплей, встряхнувшей весь мир до основания?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-099245-4

© Джемисин Н. К., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	7
1	14
2	19
3	27
4	36
5	44
6	47
7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Н. К. Джемисин
Пятое время года
Кн. 1. Расколота земля

N. K. Jemisin
THE FIFTH SEASON

Copyright © 2015 by N. K. Jemisin
Cover design by Lauren Panepinto
Cover © 2015 Hachette Book Group, Inc.

fan_zon

Серия «Fantasy World. Лучшая современная фэнтези»

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Всем, кому приходится сражаться за уважение,
которое другим дается априори.*

Пролог

Ты здесь

Начнем с конца света. Почему бы и нет? Покончим с ним и перейдем к более интересному.

Сначала личный конец. Есть то, что она будет обдумывать снова и снова в грядущие дни, представляя, как погибает ее сын, и пытаясь сжиться с тем, с чем в принципе сжиться нельзя. Она накроет искалеченное тельце Уке одеялом – кроме его лица, поскольку он боится темноты, – и будет сидеть рядом с ним, ни на что не реагируя, не думая о гбнущем снаружи мире. В ее душе мир уже умер, и все всегда кончается не в первый раз. Она уже привыкла к такому.

Она думает – и потом будет думать одно: *Зато он был свободен.*

И горькая, усталая половина ее души отвечает на этот почти вопрос ее обезумевшей, потрясенной половины души, когда той удастся задать его:

Нет. На самом деле нет. Но теперь будет.

* * *

Но вам нужен контекст. Попробуем начать с конца еще раз, в масштабе континента. Вот земля.

Обычная, как все земли. Горы, плато, каньоны, реки и прочие подробности, как обычно. Совсем обыкновенная, за исключением размеров и динамизма. Она много двигается, эта земля. Как лежащий в постели старик ворочается и вздыхает, морщится и пускает газы, зевает и сглатывает. Естественно, народ этой земли называет ее Спокойствием. Это страна спокойствия и горькой иронии.

У Спокойствия были и другие имена. Некогда эта земля была несколькими другими землями. Сейчас это один большой, единый континент, но в какой-то момент в будущем он снова станет несколькими.

На самом деле очень скоро.

И начало конца в городе: самом большом и самом величественном живом городе в мире. Город называется Юменес, и некогда он был сердцем империи. Он остается сердцем много чего, хотя империя несколько усохла с дней своего расцвета, как все империи.

Юменес уникален не из-за своих размеров. В этой части мира много больших городов, протянувшихся цепью вдоль экватора, как пояс континента. В других местах мира деревни редко вырастали в городки, а городки редко разрастались до городов, поскольку все эти поселения трудно сохранить в живых, когда земля постоянно пытается сожрать их... но Юменес был стабилен большую часть своих двадцати семи веков существования.

Юменес уникален потому, что только здесь люди осмелились строить не ради безопасности, не ради комфорта, но из отваги. Стены города – шедевр изящной мозаики, изображающей долгую и жестокую историю его народа. Из теснящихся масс его домов воздеваются, подобно каменным перстам, огромные башни, рукотворные фонари, питаемые современным чудом – гидроэлектричеством, тонкие изгибы мостов, сплетенных из стекла и дерзости, и архитектурные сооружения, называемые *балконами*, такими простыми и душераздирающе глупыми, которых никогда прежде, судя по летописям, не строили. (Но большая часть истории не записана. Запомните это.) Улицы вымощены не легко заменяемой брусчаткой, но гладким, не име-

ющим швов чудесным веществом, называемым *асфальт*. Даже хижины Юменеса отважны, поскольку это всего лишь тонкостенные хибары, которые снесет в сильную бурю, не говоря уже о землетрясениях. Но они стоят как они есть уже много поколений.

В сердце города много высоких зданий, так что вряд ли удивительно, что одно из них больше и дерзостнее остальных, вместе взятых: массивное строение, в чьем основании лежит звездная пирамида, тщательно вырезанная из блока обсидиана. Пирамиды – наиболее устойчивые архитектурные формы, а это пятикратная пирамида, почему бы и нет? И поскольку это Юменес, на вершине пирамиды покоится большая геодезическая сфера, чьи фасетчатые стены напоминают прозрачный янтарь. Она словно легко балансирует – хотя на самом деле каждая часть звездной структуры создана ради единственной цели – поддержания сферы. Она *выглядит* ненадежной, и только это имеет значение.

Черная Звезда – место, где встречаются предводители империи ради своих предводительских дел. В этой янтарной сфере они держат своего императора, тщательно охраняемого и совершенного. Он блуждает по своим золотым чертогам в вежливом отчаянии, делая то, что ему говорят, и страшится того дня, когда его хозяева решат, что его дочь – более совершенное украшение.

А вообще, ни это место, ни эти люди не имеют значения. Я упоминаю их просто ради контекста.

Но здесь есть человек, который будет иметь очень большое значение.

Можете пока придумать, как он выглядит. Даже представить, что он думает. Это может быть ошибкой, просто предположением, но все же какое-то правдоподобие есть. Судя по его последующим действиям, сейчас у него в голове может быть всего несколько мыслей.

Он стоит на холме неподалеку от обсидиановых стен Черной Звезды. Отсюда ему видна большая часть города, он чувствует его дым, погружается в его бессмысленный лепет. По асфальтовой дорожке внизу идет группа молодых женщин – этот холм является парком, который очень любят горожане. (Сохраняйте зелень внутри стен, советует камнелористика, но в большинстве сообществ земля занята огородами и прочими обогащающими почву насаждениями. Только в Юменесе зелень включена в картину красоты.) Женщины смеются словам одной из своих товарок, и ветерок приносит смех к мужчине на холме. Он закрывает глаза и наслаждается нежным тремолом их голосов, тонким эхом их шагов, подобным биению крыльев бабочки о его сэссапины. Он не может сэссить семь миллионов жителей города, представьте себе. Он хорош, но не настолько. Большинство их, однако, да, они здесь. *Здесь*. Он глубоко вздыхает и становится основой земли. Они идут по его нервным волокнам, их голоса шевелят волоски на его коже, их дыхание колеблет воздух, который он вбирает в легкие. Они на нем. Они в нем.

Но он знает, что он не один из них и никогда таким не будет.

– Знаешь, – как бы между прочим говорит он, – что первое предание камня было действительно *написано* на камне? Чтобы его нельзя было изменить ради моды или политики. Чтобы оно не стерлось.

– Знаю, – отвечает его спутница.

– Хм. Да, ты ведь наверняка была там, когда этот камень был установлен. Я и забыл. – Он вздыхает, глядя вслед уходящим женщинам. – Тебя легко любить. Ты не предашь меня. Ты не умрешь. И я знаю цену заранее.

Его спутница не отвечает. Он и не ждал ответа, хотя отчасти и надеялся. Он так одинок.

Но его надежда никого не интересует, и прочие известные ему чувства принесут ему только отчаяние, если он снова подумает о них. Он достаточно думал о надежде. Время смятения кончилось.

– Заповедь, – говорит он, раскинув руки, – запечатлена в камне.

Представьте, что его лицо болит от улыбки. Он улыбался часами: стиснув зубы, раздвинув губы, прищулив глаза до «гусиных лапок». Улыбаться так, чтобы другие поверили твоей

улыбке, – истинное искусство. Всегда важно включать глаза, иначе люди поймут, что ты их ненавидишь.

– Слова, высеченные на камне, – абсолют.

Он не обращается ни к кому конкретно, но рядом с ним стоит женщина – в каком-то смысле. Сходство с женщиной лишь поверхностно – это знак вежливости. Точно так же свободное, волнами стекающее платье на самом деле не является одеждой. Она просто преобразовала часть своей плотной субстанции ради предпочтений хрупких смертных существ, среди которых в настоящий момент находится. Издалека она сойдет за спокойно стоящую женщину – хотя бы на некоторое время. Однако вблизи гипотетический наблюдатель заметит, что ее кожа – белый фарфор, и это не метафора. Как скульптура она была бы прекрасна, хотя и чересчур жестоко реалистична для местных вкусов. Большинство юменийцев предпочитают вежливую абстракцию вульгарной реальности.

Когда она поворачивается к мужчине – медленно, камнееды медлительны на поверхности, за исключением тех случаев, когда они скоры, – и это движение превращает ее мастерскую красоту в нечто совершенно иное. Мужчина привык к такому, но все равно не смотрит на нее. Он не хочет, чтобы это внезапное изменение испортило мгновение.

– Что вы сделаете, – спрашивает он ее, – когда все свершится? Твой народ поднимется из обломков и заберет мир себе?

– Нет, – отвечает она.

– Почему нет?

– Мало кому из нас это интересно. Кроме того, вы же все равно останетесь здесь.

Мужчина понимает, что «вы» – это множественное число. *Твой род. Человечество.* Она часто говорит с ним так, будто он представляет всех. Он так же обращается к ней.

– Ты так уверена.

Она ничего не отвечает на это. Некоторые камнееды редко снисходят до констатации очевидного. Он и рад, поскольку то, как она говорит, всегда раздражает его – не колыша воздуха, как человек. Он не понимает, как это работает. Ему все равно, как это работает, но сейчас ему хочется, чтобы она молчала.

Он хочет, чтобы *все* молчало.

– Кончай, – сказал он. – Пожалуйста.

И затем он устремляется вперед со всем тем тонким контролем, который мир изъяс, вероломно отнял, выбил из него, со всей чувствительностью, которую хозяева выводили в нем в течение поколений насилия, обуздания и противоестественного отбора. Его растопыренные пальцы вздрагивают, когда он ощущает несколько отвечающих эхом точек на карте своего сознания – его сородичей-рабов. Он не может освободить их в материальном смысле. Он уже пытался раньше и потерпел поражение. Однако он может сделать так, чтобы их страдания послужили делу большему, чем гордыня одного-единственного города и страх одной-единственной империи.

Потому он погружается вглубь и охватывает гудящую, галдящую, суетную, отдающуюся эхом и идущую волнами громадность города, и спокойствие скалы под ним, и злое бурление жара, и давление под ней. Затем он тянется вширь и хватает огромную тектоническую плиту головоломки под названием земная кора, на которой покоится континент.

В конце он тянется вверх. За силой.

Он охватывает все – все страты, магму, людей и силу своими воображаемыми руками. Все. Держит в объятиях. Он не один. С ним земля.

Затем он *ломает* все.

* * *

Вот Спокойствие, которое не знает покоя даже в лучшие дни.

Теперь он идет волнами и гудит среди катаклизма. Теперь его рассекает линия, тянущаяся примерно в направлении с востока на запад, слишком прямая и аккуратная, чтобы быть естественной. Она опоясывает землю по экватору. Начало ее находится в городе Юменесе.

Линия глубокая и свежая, разрез до живого нутра планеты. В ней вспучивается магма, свежая, пламенеющая алым. Земля умеет сама себя лечить. В геологическом смысле рана быстро затянется, затем очистительный океан двинется по ней, чтобы расцечь Спокойствие на две части. Однако до тех пор рана будет нарываться, извергая не только жар, но и газ, и темный хрусткий пепел, которым за несколько недель покроется вся поверхность Спокойствия. Растения погибнут, животные, питавшиеся ими, начнут голодать, и животные, питавшиеся этими животными, тоже начнут голодать. Зима будет ранней и лютой, и будет она долгой-долгой. Конечно, она закончится, как и все зимы, и когда-нибудь мир станет прежним.

Когда-нибудь.

Население Спокойствия живет в постоянном состоянии готовности к катастрофе. Они строили стены, рыли колодцы и запасали еду. Они вполне могут пережить пять, десять, даже двадцать пять лет без солнца.

В данном случае «когда-нибудь» означает несколько тысяч лет.

Смотри, облака пепла уже расползаются по небу.

* * *

Рассмотрев ситуацию в масштабе континента, перейдем к планетарному масштабу и обратимся к обелискам, парящим над всем этим.

Некогда эти обелиски назывались иначе – в те времена, когда они были созданы, развернуты и использованы, но никто не помнит их названия и предназначения этих великих устройств. Воспоминания в Спокойствии хрупки, как сланец. На самом деле мало кто вообще на них обращает внимание, хотя они огромны, прекрасны и немного пугающи: массивные хрустальные осколки, парящие в облаках, медленно вращающиеся и плывущие непонятными небесными путями, размазываясь то и дело, словно они не совсем реальны, – хотя это может быть всего лишь игрой света. (Это не так.) Очевидно, что обелиски – не природные явления.

Также очевидно, что они нелепы. Потрясающи, но бесполезны: очередной могильный камень очередной цивилизации, успешно уничтоженной неустанными трудами Отца-Земли. В мире много таких погребальных холмов – тысячи разрушенных городов, миллионы памятников богам и героям, которых никто не помнит, несколько десятков мостов в никуда. Современная мудрость Спокойствия говорит, что ими не следует восхищаться. Люди, их построившие, были слабы и умерли, как и следует слабым. Но самая большая их вина в том, что они *проиграли*. И строители обелисков проиграли сильнее остальных.

Но факт в том, что обелиски существуют и играют роль в конце света, потому они достойны упоминания.

* * *

Вернемся к личному. Не будем отрываться от земли, ха-ха.

Вернемся к женщине, о которой уже упоминалось. Той, у которой погиб сын. По счастью, она оказалась не в Юменесе, иначе наша повесть была бы очень короткой. И тебя не существовало бы.

Она находится в городке под названием Тиримо. В терминологии Спокойствия городок – одна из форм общины, но такие общины, как Тиримо, слишком малы для этого названия. Тиримо лежит в долине, носящей такое же имя, у подножия гор Тиримас. Ближайший источник воды – пересыхающий ручей, который местные называют Малая Тирика. На ныне несуществующем языке, от которого остались лишь лингвистические осколки, «эатири» означает «спокойный». Тиримо далеко до блестящих, стабильных городов Экваториалей, так что здесь строят в расчете на неизбежные землетрясения. Здесь нет искусных башен или карнизов, просто стены из дерева и местного дешевого коричневого кирпича на фундаменте из тесаного камня. Никаких асфальтовых дорог, только травянистые склоны, прорезанные грязными тропинками, и лишь некоторые из них замощены досками или брусчаткой. Это мирное место, хотя катаклизм, только что произошедший в Юменесе, вскоре разослал сейсмические волны, разрушившие весь регион.

В этом городе есть дом, похожий на все прочие. Дом, стоящий на одном из склонов, чуть более, чем дыра в земле, обложенная глиной и кирпичами, чтобы вода не проникала, покрытый кедровыми досками и дерном. Изогранный народ Юменеса насмехается (насмехался) над такими примитивными землянками, когда вообще снисходит (снисходил) до разговора о таких вещах, но для жителей Тиримо обитать в землянках и разумно, и просто. Там прохладно летом и тепло зимой, они выдерживают как землетрясения, так и бури.

Женщину зовут Иссун. Ей сорок два года. Она, как большинство женщин Срединья, высокая, когда стоит, с прямой спиной и высокой шеей, с широкими бедрами, легко давшими рождение двум детям, грудями, щедро вскормившими их, и широкими гибкими плечами. Сильная, крепкая – такое ценят в Спокойствии. Волосы обрамляют лицо длинными жесткими косичками, каждая толщиной в ее розовый палец, черные, выцветшие до коричневого на кончиках. Ее кожа по некоторым стандартам неприятного цвета охры, по другим – неприятного бледно-оливкового цвета. Полукровки-срединники – так называют (называли) таких в Юменесе. Достаточно много от санзе, чтобы не стыдиться показываться на люди, но слишком мало, чтобы об этом говорить.

Мальчик был ее сыном. Его звали Уке, ему было почти три года. Он был мал для своих лет, с большими глазами, носом-кнопочкой, умный не по годам и с чудесной улыбкой. У него было все, чем человеческие дети привлекают любовь своих родителей с тех пор, как этот биологический вид обрел зачатки разума. Он был здоровеньким и умненьким и должен был жить.

Это был их домик. Он был уютным и спокойным, с большой комнатой, где семья могла собираться и разговаривать, есть, играть или тискать и щекотать друг друга. Она любила нянчить там Уке. Она думала, что и зачат он был там.

И там же его отец забил его насмерть.

* * *

Ну и в довесок: днем позже, в долине, где стоит Тиримо. К тому времени первое эхо катаклизма уже прокатилось по ней волной, хотя потом еще будут афтершоки.

В самом северном конце долины опустошительные разрушения – поваленные деревья, опрокинутые скалы, завеса пыли, не оседающей в застывшем воздухе с привкусом серы. Там, где прошла первая волна, не устояло ничего – это был тот вид землетрясения, которое разваливает все на части, а потом крошит эти части в щебень. Среди обломков лежат трупы – мелкие животные, которые не смогли убежать, олени и прочие крупные животные, которые не сразу

бросились прочь и были придавлены. Среди последних несколько людей, которым не повезло оказаться на торговом пути не в то время.

Разведчики из Тиримо, которые пошли в ту сторону, чтобы оценить разрушения, не карабкались по обломкам, они просто смотрели на них сквозь дальнотелы с уцелевшей дороги. Они были поражены, что остальная часть долины – та, что вокруг самого Тиримо, по несколько миль во все стороны, формируя почти идеальный круг, – уцелела. Ну, точнее говоря, они не то чтобы были поражены. Они переглядывались с мрачным беспокойством, поскольку все знали, что это, скорее всего, означает. Предание камня гласит – ищи центр круга. Где-то в Тиримо есть рогга.

Жуткая мысль. Но еще более жуткими являются знамения с севера и то, что глава Тиримо приказал на обратном пути забрать как можно больше свежеебитых землетрясением животных. Еще не испортившееся мясо можно высушить, мех и шкуры снять и выделать. На всякий случай.

Разведчики в конце концов уходят, их мысли заняты этим самым «на всякий случай». Если бы они не были так заняты, они заметили бы предмет у подножия только что расколотого утеса, незаметно угнездившийся между накренившейся кривой елью и треснувшими валунами. Предмет выделяется своими размерами и формой – это продолговатый кусок пятнистого халцедона в виде почки темного серо-зеленого цвета, резко отличающийся от обломков бледного песчаника вокруг. Если бы они подошли к нему, они увидели бы, что он высотой им по грудь и длиной почти в человеческий рост. Если бы они коснулись его, они изумились бы плотности его поверхности. Это тяжелый на вид предмет с железистым запахом, напоминающим ржавчину и кровь.

Но никого не оказывается рядом, когда предмет еле слышно стонет и раскалывается, прямо по оси, словно распиленный пилой. Слышится громкий крик-шипение выходящего жара и сжатого газа, отчего все уцелевшие лесные жители бросаются наутек, ища убежища. Из трещины на какое-то мгновение вырывается свет, что-то вроде пламени и жидкости, оставляя озерко расплавленного стекла у основания предмета. Затем предмет надолго замирает.

Остывает.

Проходит несколько дней.

Что-то раздвигает предмет изнутри и отползает на несколько футов, прежде чем упасть. Проходит еще один день.

Теперь, когда предмет остыл и раскололся, внутреннюю поверхность его усеивают неровные кристаллы, некоторые мутно-белые, некоторые красные, как венозная кровь. Бледная жидкость застывает на дне каждой половинки, хотя большая часть жидкости, находившейся в жеде, впиталась в землю.

Тело, находившееся в жеде, лежит ничком среди обломков, нагое, тяжело дышащее от напряжения. Однако постепенно он встает. Каждое движение осторожное и очень, очень медленное. Он встает долго. Но как только это ему удастся, он идет – медленно – к жеде и опирается на нее, чтобы не упасть. Найдя точку опоры, он наклоняется – медленно – и тянется внутрь жеоды. Внезапным резким движением он отламывает красный кристалл. Это маленький кусочек, размером с виноградину, зазубренный, как обломок стекла.

Мальчик – поскольку он напоминает мальчика – кладет его в рот и жует. Звук громкий – скрежет и стук эхом отдаются вокруг. Через несколько мгновений он глотает. Затем его начинает бить жестокая дрожь. На мгновение он обхватывает себя руками, тихо скуля, словно только что понял, что он наг, и ему холодно, и все это ужасно.

Сделав усилие, мальчик берет себя в руки. Он снова тянется внутрь жеоды – уже быстрее – и отламывает еще несколько кристаллов. Он складывает их кучкой поверх жеоды. Толстые, затупленные кристаллы крошатся под его пальцами, как сахар, хотя они намного тверже. Но на самом деле он не ребенок, так что для него это легко.

Наконец он выпрямляется, шатаясь, с горстями, полными молочных и кровавых камней. Резкий порыв ветра – и его кожа покрывается пупырышками. Он дергается, быстро и резко, как заводная кукла. Затем, нахмурившись, осматривает себя. Когда он концентрируется, его движения становятся плавнее, равномернее. Человечнее. Словно подчеркивая это, он, видимо, удовлетворенно кивает.

Мальчик поворачивается и начинает путь к Тиримо.

* * *

Вот что тебе надо запомнить: конец одной истории есть всего лишь начало другой. Это, в конце концов, случалось и раньше. Люди умирают. Старые порядки уходят. Рождается новое общество. Когда мы говорим «миру пришел конец», это, как правило, ложь, потому что с планетой-то ничего не случилось.

Но так приходит конец миру.

Так приходит конец миру.

Так приходит конец этому миру.

В последний раз.

1

Ты, в конце

Ты – она. Она – ты. Ты – Иссун. Помнишь? Та женщина, у которой погиб сын.

Ты – ороген, прожившая в крохотном городке Тиримо десять лет. Только трое знают, кто ты такая, и двоим из них ты дала жизнь.

Что же. Теперь остался один.

Последние десять лет ты жила самой обычной жизнью, насколько могла. Ты приехала в Тиримо из другого места – местным жителям на самом деле все равно, откуда и почему. Поскольку ты была явно хорошо образована, ты стала учительницей в местных яслях для детей от десяти до тринадцати лет. Ты не самый лучший, но и не худший учитель, дети забывают тебя, когда уезжают, но они учатся. Мясник знает твоё имя, поскольку ему нравится с тобой заигрывать. Пекарь – нет, поскольку ты тихая женщина и поскольку он, как и все в городе, знает, что ты жена Джиджи. Джиджа родился и вырос в Тиримо, он камнерезчик из функционал-касты Стойкость, все знают и любят его, а заодно и тебя. Он передний план картины твоей жизни. Ты – фон. И тебе это по вкусу.

Ты мать двоих детей, из которых один мертв, а другая пропала. Может, и она мертва. Ты обнаружила это, вернувшись как-то раз домой после работы. Дом пуст, слишком тих, на полу маленькое тельце, все в крови и синяках.

И ты... закрылась. Ты не должна была. Это чересчур, не правда ли? Слишком. Ты многое пережила, ты очень сильная, но есть пределы и твоему терпению.

До того как к тебе пришли, прошло два дня.

Ты провела их в доме рядом со своим мертвым сыном. Ты вставала, ходила в туалет, ела что-то из холодного погреба, пила воду из-под крана. Все это ты могла делать автоматически, не задумываясь. Потом ты возвращалась к телу Уке.

(В одну из таких отлучек ты принесла ему одеяло. Накрыла его до разбитого подбородка. Привычка. Паровые насосы перестали грохотать, в доме стало холодно. Подхватит что-нибудь.)

В конце следующего дня кто-то стучится в дверь. Ты не встаёшь, чтобы открыть. Это потребовало бы от тебя подумать, кто это и открывать ли ему. Такие мысли заставят тебя подумать и о трупe сына под одеялом, и о том, зачем тебе открывать дверь. Ты пропускаешь стук мимо ушей.

Кто-то колотит в стекло в передней комнате. Настойчиво. Ты и это игнорируешь.

Наконец, кто-то разбивает стекло в задней двери дома. Ты слышишь шаги в коридоре между комнатами Уке и Нэссун, твоей дочери.

(Нэссун, твоя дочь.)

Шаги останавливаются на пороге каморки.

– Иссун?

Ты знаешь этот голос. Молодой, мужской. Знакомый и знакомо утешительный. Лерна, сын Макенбы с нижней дороги, который уехал на несколько лет и вернулся врачом. Он уже не мальчик, уже некоторое время не мальчик, и ты напоминаешь себе, что пора считать его мужчиной.

О-о-о, мысли. Ты осторожно прекращаешь думать.

Он ахает, и твоя кожа дрожит от его ужаса, когда он подходит поближе и видит Уке. Что замечательно, он не вскрикивает. Не прикасается к тебе, хотя обходит тело Уке с другой стороны и внимательно смотрит на тебя. Пытается понять, что творится у тебя внутри? *Ничего*,

ничего. Затем он приподнимает одеяло, чтобы лучше увидеть тело Уке. *Ничего, ничего.* Он снова натягивает одеяло, на сей раз на лицо твоего сына.

– Он так не любит, – говоришь ты. Это первые твои слова за два дня. Странное ощущение. – Он боится темноты.

После секундного молчания Лерна снова открывает лицо Уке, но лишь до глаз.

– Спасибо, – говоришь ты.

Лерна кивает.

– Ты спала?

– Нет.

Лерна обходит тело и берет тебя за руку, поднимает тебя. Он ласков, но руки его тверды, и он не отступает, когда ты поначалу не движешься. Чуть больше непреклонного усилия, и тебе остается только встать или упасть. Он оставляет этот выбор тебе. Ты встаешь. Затем с той же ласковой твердостью он ведет тебя к передней двери.

– Можешь поспать у меня, – говорит он.

Ты не хочешь думать, так что не говоришь, что у тебя есть собственная хорошая постель, спасибо. И не заявляешь, что с тобой все в порядке и его помощь тебе не нужна, что неправда. Он выводит тебя наружу и ведет вниз по кварталу, постоянно держа тебя за локоть. На улицу выходят несколько человек. Некоторые подходят к вам и говорят что-то, на что отвечает Лерна, ты толком ничего не слышишь. Их слова сливаются в гул, который ты не пытаешься понять. Вместо тебя с ними говорит Лерна, и ты была бы ему благодарна, если бы тебе не было все равно.

Он приводит тебя к себе в дом, пропахший травами, химикатами и книгами, и укладывает тебя в длинную постель, на которой развалился толстый серый кот. Кот пододвигается, чтобы дать тебе улечься, затем укладывается тебе под бок. Тебя бы это утешило, если бы его тепло и вес не напоминали тебе об Уке, когда тот спит с тобой.

Спал. Нет, перемена времени глагола требует мысли.

Спит.

– Поспи, – говорит Лерна, и этому легко подчиниться.

* * *

Ты спишь долго. В какой-то момент ты просыпаешься. Лерна поставил на подносе рядом с твоей постелью еду: прозрачный бульон, нарезанные фрукты и чашку чая – все давно остыло до комнатной температуры. Ты ешь и пьешь, потом идешь в ванную. Унитаз не смывает. Рядом стоит ведро с водой. Наверняка Лерна поставил его именно для этого. Ты гадаешь над этим, затем ощущаешь неизбежность мысли и гонишь, гонишь, гонишь ее, чтобы остаться в мягком тепле бездумья. Ты сливаешь воду из ведра, закрываешь крышку унитаза и возвращаешься в постель.

* * *

Во сне ты оказываешься в комнате, когда Джиджа делает это. Они с Уке такие, какими ты видела их в последний раз, – Джиджа смеется, держа Уке на колене, играя с ним в «землетрясение». Мальчик смеется, обхватывает колено ногами и машет руками, чтобы удержать равновесие. Затем Джиджа вдруг перестает смеяться, встает, сбрасывает Уке на пол и начинает бить его ногами. Ты знаешь, что это было не так. Ты видела отпечатки кулака Джиджи – синяк с четырьмя параллельными полосами – на животе и лице Уке. Во сне Джиджа бьет его ногами, потому что сны лишены логики.

Уке продолжает смеяться и размахивать руками, словно игра продолжается, хотя его лицо в крови.

Ты просыпаешься с криком, который переходит в неудержимые рыдания. Входит Лерна, пытается что-то сказать, обнять тебя, в конце концов, заваривает тебе крепкий, омерзительный на вкус чай. Ты снова засыпаешь.

* * *

– На севере что-то случилось, – говорит тебе Лерна.

Ты сидишь на краю постели. Он – в кресле напротив тебя. Ты пьешь очередную чашку мерзкого чая, голова болит хуже чем с похмелья. Ночь, но в комнате полумрак. Лерна зажег лишь половину светильников. Впервые ты замечаешь странный запах в воздухе, который не может полностью замаскировать дымок светильника – сернистый, острый и едкий. Запах висел в воздухе весь день, постепенно усиливаясь. Хуже всего на улице, говорит Лерна.

– Дорога возле города два дня была забита людьми, идущими оттуда. – Лерна вздыхает и трет лицо. Он на пятнадцать лет моложе тебя, но такого уже не скажешь. Его волосы от природы серые, как у многих чебаки, но старше делают его залегшие на лице складки. И еще темные круги под глазами. – Что-то вроде землетрясения. Большое, пару дней назад. Мы-то ничего не ощутили, но вот Суме... – Суме через долину, в дне пути верхом. – Весь город... – Он мотает головой.

Ты киваешь, но ты и так все это знаешь или по крайней мере догадываешься. Два дня назад, когда ты сидела в своей норке и смотрела на останки своего ребенка, что-то пришло в город – судорога земли была такой, что ты никогда ничего подобного не сэссала. Слово «землетрясение» тут явно не подходит. Что бы там ни было, оно обрушило бы дом на тело Уке, потому ты что-то поставила на его пути – какой-то волнолом, составленный из твоей сфокусированной воли и небольшого количества кинетической энергии, позаимствованной у самой волны. Это не требовало мысли, такое и новорожденный способен сделать, хотя, наверное, не настолько аккуратно. Волна разделилась и обтекла долину, затем продолжила путь.

Лерна облизывает губы. Смотрит на тебя, потом отводит взгляд. Он тот, кто, помимо твоих детей, знает, кто ты есть. Некоторое время уже знает, но впервые увидел реальность этого. Но об этом ты тоже не способна думать.

– Раск не впускает и не выпускает никого. – Раск – это Раск Инноватор Тиримо, избранный глава города. – Пока еще это не полномасштабный карантин, как он говорит, но я собирався пойти в Суме, посмотреть, не можем ли мы чем-то помочь. Раск сказал «нет» и направил чертовых копателей на стену на подмогу Опорам, пока разведчики не вернутся. Велел им в особенности не выпускать *меня*. – Лерна стискивает кулаки, на лице его горечь. – На имперском тракте много людей. Многие больны, ранены. А этот вонючий ублюдок не хочет позволить мне *помочь*!

– В первую очередь ворота, – шепчешь ты. Это хрип. Ты много кричала после того сна о Джидже.

– Что?

Ты отпиваешь еще чая, чтобы не так першило в горле.

– Предание камня.

Лерна в упор смотрит на тебя. Он знает эти строки – все дети учат это в яслях. Все вырастают на сказках у костра о камнелористах и мудрых геоместах, которые предупреждали неверующих, когда проявлялись знамения, но их не слушали, и которые спасали людей, когда Предание подтверждалось.

– Думаешь, дошло до этого? – тяжело произносит он. – Огонь подземный, Иссун, неужели ты серьезно?

Ты серьезно. Дошло до этого. Но ты понимаешь, что он не поверит тебе, если ты попытаешься объяснить, так что просто качаешь головой.

Повисает болезненная, мучительная тишина. После долгого молчания Лерна осторожно произносит:

– Я принес Уке. Он в больнице... в холодильном ящике. Я позабочусь о... приготовлениях.

Ты медленно киваешь.

После некоторой заминки он говорит:

– Это сделал Джиджа?

Ты снова киваешь.

– Ты... ты его видела?

– Я пришла домой из яслей.

– О.

Опять неловкая пауза.

– Говорят, ты пропустила один день, перед землетрясением. Пришлось отправить детей домой, не нашли замены. Никто не знал, заболела ты и осталась дома, или что еще.

Что же. Вероятно, ты уволена. Лерна делает глубокий вздох, выдыхает. Ты почти готова.

– Землетрясение не коснулось нас, Иссун. Оно обошло город. Повалило несколько деревьев, и еще рухнула скала у ручья.

Ручей в самом северном конце долины, где никто не заметил, как исходит паром халцедоновая жеода.

– Все в городе и вокруг него в порядке. Почти идеальная окружность. Четкая.

Было время, когда ты скрывала бы такое. У тебя был повод – жизнь, которую ты защищала.

– Это сделала я, – говоришь ты.

Лерна стискивает челюсти, но кивает.

– Я никогда никому не говорил. – Он мнется. – Что ты... ороген.

Он так вежлив и правилен. Ты слышала куда более неприличные определения того, чем ты являешься. Он тоже, но он никогда бы так не сказал. Да и Джиджа, когда кто-то беспечно бросал «рогга» в его присутствии. *«Не желаю, чтобы дети такое слышали»*, – говорил он...

Накрывает быстро. Ты складываешься пополам в приступе сухой рвоты. Лерна вскакивает, хватая что под руку подвернулось – утку, которая тебе не была нужна. Но ничто не извергается из твоего желудка, и через мгновение позывы прекращаются. Ты делаешь осторожный вдох, затем другой. Лерна молча протягивает тебе стакан воды. Ты отвергаешь было его, затем передумываешь. В твоём рту вкус желчи.

– Это не я, – говоришь ты в конце концов. Он хмурится в замешательстве, думая, что ты все еще говоришь о землетрясении. – Джиджа. Он так и не узнал обо мне. – Ты думаешь. Ты не должна думать. – Я не знаю как, но Уке... он маленький, он еще не умеет себя контролировать. Наверное, Уке что-то сделал, и Джиджа понял...

Что твои дети, как ты. Впервые ты полностью оформила эту мысль.

Лерна закрывает глаза, выпускает долгий вздох.

– Вот как, значит.

Нет, не так. Никогда ничто не должно заставлять отца убить собственное дитя. Ничто!

Он облизывает губы.

– Хочешь посмотреть на Уке?

Зачем? Ты два дня смотрела на него.

– Нет.

Лерна со вздохом встает, пятерней ероша волосы.

– Идешь сказать Раску? – спрашиваешь ты.

Но Лерна отвечает тебе таким взглядом, что ты ощущаешь себя хамкой. Он в гневе. Он такой спокойный, думающий мальчик, никогда не подумаешь, что он может разозлиться.

– Я ничего не собираюсь рассказывать Раску, – резко отвечает он. – Я все это время ничего ему не рассказывал и не собираюсь сейчас.

– Тогда что...

– Я хочу найти Эран.

Эран – спикер функционал-касты Стойкость. Лерна родился Опорой, но когда он вернулся в Тиримо врачом, Стойкие приняли его. В городе уже было достаточно Опор, а Инноваторы бросили жребий и проиграли. Ты тоже говорила, что принадлежишь к Стойкости.

– Я скажу ей, что с тобой все в порядке, и попрошу передать это Раску. А ты иди отдыхать.

– А если она спросит, почему Джиджа...

Лерна качает головой.

– Все уже и так поняли, Иссун. Все умеют читать карты. Ясно как алмаз, что центр круга где-то по соседству. Зная, что сделал Джиджа, нетрудно понять *почему*. Со временем только промахнулись, но об этом пока никто не думал. – Пока ты смотришь на него и осознание медленно приходит к тебе, Лерна криво усмехается. – Половина народа в ужасе, другая половина рада тому, что сделал Джиджа. Потому что, *конечно же*, трехлетнему малышу хватит сил устроить землетрясение в нескольких тысячах миль отсюда, в Юменесе!

Ты качаешь головой, отчасти испуганная гневом Лерны, отчасти неспособная смириться с тем, что твой светлый, веселый ребенок, по мысли людей, мог... но ведь Джиджа так подумал.

Тебя снова охватывает тошнота.

Лерна делает еще один глубокий вдох. Он весь ваш разговор все время вздыхает – эту привычку ты видела и раньше. Так он успокаивает себя.

– Оставайся здесь, отдыхай. Я скоро вернусь.

Он выходит из комнаты. Нарочито громко шумит перед домом. Через несколько мгновений уходит на встречу. Ты думаешь об отдыхе и решаешь, что не будешь ложиться. Вместо этого ты идешь в ванную Лерны, умываешься и останавливаешься, когда горячая вода резко плюется, потом становится ржаво-красной и вонючей, а потом превращается в тонкую струйку. Где-то прорвало трубу.

Что-то случилось на севере, сказал Лерна.

Дети – наша гибель, как-то давным-давно кто-то сказал тебе.

– Нэссун, – шепчешь ты своему отражению. В зеркале – глаза, которые твоя дочь унаследовала от тебя, серые, как слюда, и немного тоскливые. – Он оставил Уке в убежище. А где он бросил тебя?

Нет ответа. Ты закрываешь кран. Затем шепчешь в пространство:

– Мне надо идти.

Потому что надо. Тебе надо найти Джиджу, и к тому же ты понимаешь, что задерживаться нельзя. Скоро горожане придут за тобой.

* * *

У прошедшего землетрясения есть эхо. Отступившая волна вернется.
Рокочущая гора взревет.
Табличка первая: «О выживших», стих пятый.

2

Дамайя, много зим назад

Солома такая теплая, что Дамайе не хочется из нее вылезать. Как одеяло, осоловело думает она в полусне. Как плед, который однажды сшила ей прабабушка из квадратов униформы. Много лет назад, до своей смерти, Милая Ба работала швеей на ополчение Бреварда и сохраняла обрезки ткани после шитья каждой новой униформы. Одеяло, которое она сделала для Дамайи, было пятнистым и темным, цвета морской волны и серо-коричневым, зеленым и серым, как колонны марширующих солдат, но вышло оно из рук Милой Ба, так что Дамайе было наплевать на его уродство. Оно всегда пахло сладко, серо и немного затхло, так что легко было представить, что солома, которая пахла плесенью, как старый навоз, но с привкусом грибка, – одеяло прабабушки. Само оно осталось в комнате Дамайи, на постели, где она его бросила. На которой она больше никогда не будет спать.

Сейчас она из своей груди сена слышала голоса – мама и еще кто-то разговаривали, подходя все ближе. Послышался скрип открываемой двери амбара, и они вошли внутрь. Опять скрип – дверь закрывается за ними. Мама возвышает голос и зовет:

– ДамаДама?

Дамайя сворачивается в клубок еще сильнее, стискивает зубы. Она ненавидит это идиотское прозвище. Она ненавидит, как мать его произносит, легко и нежно, словно правда любит ее, а не врет.

Когда Дамайя не отвечает, мать говорит:

– Она не могла уйти. Мой муж проверил все амбарные замки лично.

– Увы, таких, как она, замками не удержать.

Голос мужской. Не отец, не старший брат, не глава общины, никто из тех, кого она могла бы узнать. У него глубокий голос, и говорит он с акцентом, которого она никогда не слышала, – резким, тяжелым, с тягучими «о» и «а» и жестким началом и концом каждого слова. Умный голос. Он чуть позвякивает на ходу, и Дамайя думает, что у него, наверное, большая связка ключей. Или много монет в карманах? Она слышала, что в других местах мира люди используют металлические деньги.

Мысли о ключах и деньгах заставляют Дамайю свернуться еще сильнее, поскольку она, конечно, слышала в яслях, как дети шепчутся о детских рынках в далеких городах из тесаного камня. Не все края так цивилизованны, как Северное Срединье. Тогда она смеялась над этими слухами, теперь другое дело.

Мать с отвращением фыркает, и Дамайя горит от стыда, осознав, что они увидели угол, который она использовала как туалет. Там ужасно пахнет, хотя она каждый раз забрасывала все соломой.

– Сидеть на корточках, как животное. Я лучше ее воспитывала.

– Здесь есть туалет? – спрашивает детоторговец вежливо-любопытным тоном. – Вы ставили ей ведро?

Мать молчит, долго молчит, и Дамайя запоздало понимает, что этот человек своими тихими вопросами *укорил* мать. Дамайя не привыкла к такого рода укорам. Мужчина не повышал голоса и не обзывался. Но мать опешила, словно он своими словами дал ей по голове.

Смех закипает в ее груди, и она сразу затыкает себе рот кулаком, чтобы он не излился наружу. Они услышат хихиканье Дамайи в ответ на конфуз ее матери, и тогда детоторговец поймет, какой она ужасный ребенок. Разве это так плохо? Может, родители получают за нее

меньше. Одно это почти заставляет ее рассмеяться в голос, поскольку Дамайя ненавидит своих родителей, *ненавидит*, и все, что заставит их страдать, доставит ей радость.

Затем она впивается зубами в собственный кулак и ненавидит себя, потому что отец и мать, *конечно же*, продают Дамайю именно за то, что такие мысли приходят ей в голову.

Шаги ближе.

– Тут холодно, – говорит мужчина.

– Мы забрали бы ее в дом, если бы стало действительно холодно, – говорит мать, и Дамайя снова чуть не хихикает – так угрюмо, обиженно она говорит.

Но детоторговец не слушает мать. Его шаги все ближе, и они... странные. Дамайя может сэссить эти шаги. Большинство людей не может – они могут сэссить большие вещи, землетрясения там, всякую всячину, но не такую тонкую вещь, как шаги. (Она знала такое в себе всю жизнь, но лишь недавно поняла, что это предзнаменование.) Трудно это ощущать, когда ты не в прямом контакте с землей, все передается через доски амбара и металл соединяющих их гвоздей, но даже здесь, на чердаке, она понимает, чего ждать. *Топ* топ, шаг и его эхо в глубине, *топ* топ, *топ* топ. Но шаги детоторговца никуда не идут и не дают эха. Она может только слышать их, не сэссить. Такого прежде никогда не бывало.

Он подходит к веревочной лестнице, к чердаку, где она свернулась в соломе.

– Ага, – говорит он, поднявшись наверх. – Тут теплее.

– ДамаДама! – теперь мать в бешенстве. – А ну, слезай!

Дамайя сворачивается еще сильнее в соломе и ничего не говорит. Шаги детоторговца приближаются.

– Не бойся, – говорит он своим гулким голосом. Ближе. Она чувствует эхо его голоса через дерево, оно уходит вниз в землю, в скальную породу и назад. Ближе. – Я пришел помочь тебе, Дамайя Опора.

Еще одну вещь она ненавидит – свое функционал-имя. Никого она не сможет подпереть, как и ее мать. «Опора» означает только то, что ее предкам по женской линии повезло присоединиться к общине слишком неспециализированной, чтобы заслужить в ней более прочное место. *Когда приходят тяжелые времена, Опоры все равно что неприкаянные*, – сказал ей как-то раз ее брат Чага, чтобы поддразнить. Тогда он смеялся, словно это было забавно. Словно это было неправдой. Конечно, Чага Стойкость, как и отец. Все общины рады принять их, какими бы тяжелыми ни были времена, болезни там, голод или прочее.

Шаги мужчины останавливаются прямо под ее грудой соломы.

– Не бойся, – повторяет он, на сей раз тише. Мать по-прежнему внизу и, вероятно, не может услышать его. – Я не дам твоей матери тебя обидеть.

Дамайя втягивает воздух.

Она не дура. Он детоторговец, а детоторговцы делают ужасные вещи. Но поскольку он сказал эти слова и поскольку какая-то часть Дамайи устала бояться и злиться, она выпрямляется. Она выбирается из мягкой теплой соломы и садится, глядя на мужчину сквозь кудряшки и грязную солому.

Он выглядит так же странно, как и звучит, и он явно не из окрестностей Палелы. У него почти белая кожа, как бумага, он, наверное, дымится и скручивается на жарком солнце. У него длинные прямые волосы, что вместе с кожей означает, что он из арктических областей, хотя их цвет – черный, как земля возле старого кратера, – не подходит. У жителей Восточного побережья такие волосы, только пушистые, а не прямые, но у них и кожа черная. И он большой – выше и шире в плечах, чем отец. Но там, где у отца плечи переходят в широкую грудь и живот, у этого *сужение*. Все в нем гибкое и тонкое. Нет четко выраженной расы.

Но сильнее всего Дамайю поражают глаза детоторговца. Они почти белые. Она видит белки его глаз, потом серебристо-серый диск радужки, почти неотличимой от белка. Его зрачки в полумраке амбара расширены, пугаючи в этой пустыне бесцветности. Она слышала о таких

глазах, которые в сказках и камнелористике называются *льдистыми*. Это редкий знак и всегда недобрый.

Но затем детоторговец улыбается Дамае, и она не задумываясь улыбается в ответ. Она тут же верит ему. Понимает, что нельзя, но верит.

– Ну вот мы где, – говорит он по-прежнему тихо, чтобы мать не услышала. – ДамаДама Опора, полагаю?

– Просто Дамайя, – автоматически отвечает она.

Он изящно наклоняет голову, затем протягивает ей руку.

– Понятно. Идем к нам, Дамайя?

Дамайя не шевелится, а он не хватает ее. Он просто стоит на месте, терпеливый как камень, с протянутой, но не принятой рукой. Проходит десять вдохов и выдохов. Двадцать. Дамайя понимает, что должна идти с ним, но ей нравится, что это *ощущается* как ее выбор. Потому она наконец дает ему руку и позволяет поднять себя. Он держит ее за руку, пока она, как может, отряхивается от соломы, а затем чуть притягивает к себе.

– Минутку.

– М-м?

Но рука детоторговца уже у нее на затылке. Он прижимает два пальца к основанию ее черепа так быстро и умело, что она не успевает испугаться. На мгновение он закрывает глаза, вздрагивает, затем выдыхает и отпускает ее.

– Долг прежде всего, – загадочно говорит он. Она касается затылка, растерянная, все еще ощущая прикосновение его пальцев. – Теперь пошли вниз.

– Что ты сделал?

– Что-то вроде маленького ритуала. Что-то, что позволит найти тебя, если ты когда-нибудь потеряешься. – Она не может представить, что это значит. – Идем, мне надо сказать твоей матери, что ты идешь со мной.

Значит, это наяву. Дамайя закусывает губу, и когда человек направляется к лестнице, она следует в двух шагах за ним.

– Что же, с этим уладили, – говорит детоторговец, когда они спускаются на первый этаж к матери. (Мать вздыхает, увидев ее. Возможно, от раздражения.) – Вы не могли бы собрать для нее вещи – пару смен белья, еды в дорогу, какую сможете, пальто, – мы уходим.

Мать удивленно выпрямляется.

– Мы отдали ее пальто.

– Отдали? Зимой?

Он говорит мягко, но матери внезапно становится неуютно.

– У нее есть двоюродная сестра, которой было нужно пальто. У нас гардеробы не набиты одежкой. И... – мать мнетя, бросает взгляд на Дамайю. Дамайя отводит глаза. Она не хочет знать, сожалеет ли мать, что отдала пальто. Ей особенно не хочется увидеть, что мать *не* сожалеет.

– И вы слышали, что орогены не испытывают холода так, как остальные, – говорит он с усталым вздохом. – Это миф. Полагаю, вы видели прежде, что вашей дочери бывало холодно.

– О, я... – мать вспыхивает. – Да. Но я думала...

Что Дамайя прикидывается. Именно так она сказала Дамае в тот первый день, когда та вернулась из школы, когда ее поселили в амбаре. Мать была в ярости, лицо ее было в слезах, а отец просто сидел молча с побелевшими губами. Дамайя скрывала от них, говорила мать, все скрывала, прикидывалась ребенком, хотя она на самом деле чудовище, чудовища так всегда поступали, она всегда знала, что с Дамайей что-то не так, она всегда была такой *врушкой*...

Мужчина качает головой.

– Тем не менее ей нужна какая-то защита от холода. Когда мы будем ближе к Экваториалам, станет теплее, но нам туда несколько недель добираться.

Лицо матери расслабляется.

– Так вы и правда забираете ее в Юменес.

– Конечно, я... – Мужчина в упор смотрит на нее. – А. – Он бросает взгляд на Дамайю. Они оба смотрят на Дамайю, и от этого все зудит. Она ежится. – Значит, даже думая, что я пришел убить вашу дочь, вы попросили главу общины вызвать меня.

Мать подбирается.

– Нет. Не так, я не... – Ее кулаки, висящие по бокам, разжимаются. Затем она склоняет голову, словно ей стыдно, но Дамайя знает, что это ложь. Матери никогда ни за что не стыдно. Было бы стыдно, она такого не делала бы.

– Простые люди не могут заботиться о... о таких детях, как она, – тихо говорит мать. Она бросает быстрый взгляд на Дамайю. – Она чуть не убила в яслях мальчика, и... – Внезапно она выпрямляется, расправляет плечи. – И разве это не долг каждого гражданина?

– Да-да, все так. Ваша жертва сделает мир лучше для всех. – Эта похвала – обычное клише. Но тон, что удивительно, нет. Дамайя снова смотрит на детоторговца, смущенная тем, что детоторговцы не убивают детей. Это все меняет. А Экваториали? Эти земли находятся далеко-далеко на юге.

Детоторговец смотрит на Дамайю и каким-то образом понимает, что ей непонятно. Его лицо смягчается, что должно быть совершенно невозможно при его пугающих глазах.

– В Юменес, – говорит он матери, затем Дамае. – Да. Она достаточно молода, так что я забираю ее в Эпицентр. Ее научат управляться с ее проклятием. Ее жертва тоже сделает мир лучше.

Дамайя отвечает ему взглядом, понимая, как она ошибалась. Мать не продала Дамайю. Они с отцом *отдали* ее. И мать не ненавидит Дамайю, она *боится* ее. Есть ли разница? Возможно. Дамайя не знает, как она должна себя чувствовать после таких откровений.

И этот человек вовсе не детоторговец.

– Ты Страж? – спрашивает она, хотя уже и знает это. Он снова улыбается. Она не думала, что Стражи такие. В ее воображении они высокие, с каменными лицами, при оружии и с тайным знанием. Ну, этот, по крайней мере, высок.

– Да, – отвечает он и берет ее за руку. Он очень любит трогать людей, думает она. – Я твой Страж.

Мать вздыхает.

– Я могу дать ей одеяло.

– Это подойдет, благодарю вас. – Мужчина замолкает, ждет. Через несколько мгновений мать понимает, что он ждет, когда она его принесет. Она дергает головой и выходит из амбара с прямой спиной. Дамайя и человек остаются наедине.

– Вот, – говорит он, поднимая руки к плечам. Он носит что-то вроде униформы с массивными плечами и длинными жесткими линиями рукавов и штанин, винного цвета. Крепкая, но поношенная одежда. Как прабабушкин плед. У него короткий плащ, скорее декоративный, чем функциональный, но он снимает его и закутывает в него Дамайю.

– Спасибо, – говорит она. – Кто ты?

– Меня зовут Шаффа Страж Уоррент.

Она никогда не слышала о месте под названием Уоррент, но оно должно где-то быть, зачем еще иначе общинное имя?

– Страж – это функционал-имя?

– Для Стражей. – Он произносит это нараспев, и ее щеки горят от смущения. – Мы, как правило, не слишком привязаны к какой-либо общине, в конце концов.

Дамайя хмурится в замешательстве.

– Так они что, выгоняют вас, когда наступает Зима? Но...

Страж, как она знает по байкам, – это сочетание много чего в одном человеке – великие воины и охотники, а порой – часто – убийцы. Общинам нужны такие люди в тяжелые времена.

Шаффа пожимает плечами и садится на тюк старого сена. За спиной Дамайи такой же тюк, но она продолжает стоять, поскольку ей нравится быть одного роста с ним. Даже сидя он выше нее, но хоть не так сильно.

– Орогены Эпицентра служат миру, – говорит он. – Ты не унаследуешь отсюда функционал-имени, поскольку твоя польза состоит в том, что ты есть, а не в том, к какой семье ты принадлежишь. С самого рождения ребенок-ороген способен остановить землетрясение, даже без обучения. Ты – ороген. В общине или без, *ты – ороген*. Однако после обучения и под руководством других умелых орогенов Эпицентра ты сможешь быть полезной не просто для какой-то общины, а для всего Спокойствия. – Он раскидывает руки. – Будучи Стражем, опекая орогенов, я делаю работу не меньшего охвата. Так что нормально, что я разделяю вероятную судьбу моих подопечных.

Дамайя так охвачена любопытством, ее так переполняют вопросы, что она не знает, с чего начать.

– У тебя есть... – Она запинаясь, путаясь в концептах, словах, приятии себя. – Другие, в-вроде меня... – слова кончаются.

Шаффа смеется, словно чувствует ее горячность, и это нравится ему.

– Сейчас я Страж шестерых, – говорит он, наклонив голову к Дамайе, словно именно так и надо это говорить, так думать. – Включая тебя.

– И ты отвел их всех в Юменес? Ты нашел их так, как меня?..

– Не совсем так. Некоторых отдали под мою опеку, поскольку они родились в Эпицентре или достались мне от других Стражей. Некоторых я нашел, когда по поручению отправился в круговой рейд по этой части Северного Срединья. – Он разводит руками. – Когда твои родители сообщили о своем ребенке-орогене главе Палелы, он телеграфировал в Бревард, оттуда передали в Геддо, а оттуда уже в Юменес, а они телеграфировали мне. – Он вздыхает. – Просто повезло, что я зашел проверить почту на узловой станции возле Бреварда через день после прибытия сообщения. Иначе я еще пару недель его не увидел бы.

Дамайя знает Бревард, хотя Юменес для нее – легенда, а остальные названия, о которых упоминает Шаффа, всего лишь слова из ясельного учебника. Бревард – самый ближний к Палеле городок, и он куда больше. Туда отец с Чагой ездят продавать продукты с фермы в начале каждого сезона урожая. Затем она осознает его слова. Еще две недели в амбаре, сидеть в холоде, писать в углу... Она тоже рада, что он получил сообщение в Бреварде.

– Ты везучая, – говорит он, видимо, читая выражение ее лица. Сам он мрачнеет. – Не все родители поступают правильно. Иногда они не изолируют своих детей, как рекомендует Эпицентр и мы, Стражи. Иногда изолируют, но мы получаем сообщение слишком поздно, и когда Стражи прибывают, толпа успевает вытащить ребенка из укрытия и забить его насмерть. Не думай плохо о твоих родителях, Дама. Ты жива и здорова, а это уже немало.

Дамайя немного ершится, не желая принимать этого.

Он вздыхает.

– И иногда, – продолжает он, – родители орогена пытаются спрятать ребенка. Держать его, необученного, без Стража. Это всегда кончается плохо.

Эта мысль жила у нее в голове последние две недели, с того самого дня в школе. Если бы родители любили ее, они не заперли бы ее в амбаре. Мать не говорила бы тех ужасных вещей.

– Но почему они не могли... – вырывается у нее прежде, чем она понимает, что он это не просто так сказал. Чтобы понять, не думает ли она, *почему они не могли просто спрятать меня*, – и теперь он знает правду. Дамайя стискивает руками окутывающий ее плащ, но Шаффа просто кивает.

– Во-первых, потому, что у них есть еще один ребенок, а любого, кого обвинят в укрывательстве незарегистрированного орогена, вышвыривают из общины, и это еще минимальное наказание.

Дамайя знает это, хотя не может смириться с этим знанием. Родители, которые любили бы ее, *рискнули бы*, не так ли?

– Твои родители не хотели потерять дом, хозяйство, обеспечение для обоих своих детей. Они предпочли сохранить хоть что-то, чем потерять все. Но самая большая опасность в тебе самой, Дама. Ты не можешь скрывать этого, как не можешь скрывать того, что ты девочка и очень умна.

Она вспыхивает, неуверенная в том, похвала ли это. Он улыбается так, что она это понимает.

Он продолжает:

– Каждый раз, когда земля движется, ты будешь слышать ее зов. В момент опасности ты будешь инстинктивно тянуться к ближайшему источнику тепла и движения. Для тебя эта способность все равно как кулаки для сильного человека. При непосредственной угрозе ты, конечно же, сделаешь все, чтобы защитить себя. И тогда будут погибать люди.

Дамайя моргает. Шаффа снова улыбается, как всегда, тепло. И тогда Дамайя вспоминает тот день.

Это было после ланча, во дворе. Она съела свой бобовый ролл, сидя у прудика вместе с Лими и Шантаре, как обычно делала, когда остальные ребята играли или кидались едой друг в друга. Несколько других ребят сгрудились в углу двора, что-то чертили в пыли и перешептывались друг с другом – у них после обеда была контрольная по геометрии. И тут Заб подошел к ним троим, хотя смотрел именно на Дамайю, и сказал:

– Можно я у тебя спишу?

Лими хихикнула. Она думала, что Забу нравится Дамайя. Дамайе он, однако, *не нравился*, потому что был противный – он всегда дразнил Дамайю, обзывался и щипал, пока та не начала кричать на него. А за это ей доставалось от учителя. Потому она ответила Забу:

– Я не хочу, чтобы мне за тебя влетело.

– Да не влетит, если сделаешь как надо. Просто подвинь свой листок...

– *Нет*, – снова ответила она. – Не буду я делать как надо. Я вообще не собираюсь этого делать. Иди отсюда. – Она повернулась к Шантаре, с которой разговаривала до того, как вмешался Заб.

Потом Дамайя помнила, что лежит на земле. Заб столкнул ее с камня обеими руками. Она в буквальном смысле кувыркнулась в воздухе, упав на спину. Затем – у нее было две недели в амбаре, чтобы подумать об этом, – она увидела его ошарашенное лицо, словно он не думал, что она упадет так легко. Но в тот момент она понимала только то, что лежит на земле. *Грязной* земле. Вся ее спина была холодной, мокрой, грязной, пахла гнилым болотом и мятой травой, и все это было у нее в *волосах*, и это было ее лучшее *форменное платье*, и мама будет в *ярости*, и она сама взбесилась, схватила за воздух, и...

Дамайя дрожит. *Люди погибают*. Шаффа кивает, словно слышит ее мысли.

– Ты стекло огненной горы, Дамайя. – Он говорит это очень тихо. – Ты дар земли – но Отец-Земля ненавидит нас, он не прощает, и его дары никогда не бывают безвозмездны и безопасны. Если мы заберем тебя, заточим до остроты, будем обращаться с тобой осторожно и с должным уважением, ты станешь бесценной. Но если мы оставим тебя, ты рассечешь до кости всякого, кто обойдется с тобой грубо. Или еще хуже – ты расколешься и ранишь многих.

Дамайя вспоминает выражение лица Заба. Воздух похолодел лишь на мгновение, окутав ее, словно коконом. Этого было достаточно, чтобы трава под ней покрылась инеем, а капли пота на лице Заба замерзли. Они замерли, дернулись и устали друг на друга.

Она помнит его лицо.

Ты чуть не убила меня, прочла она на нем.

Шаффа, продолжая улыбаться, пристально смотрит на нее.

– Это не твоя вина, – говорит он. – Большая часть того, что рассказывают об орогенах, неправда. Ты ничего не сделала, чтобы родиться такой, как и твои родители. Не злись на них или на себя.

Она начинает плакать, поскольку он прав. Все, что он говорит, правда. Она ненавидит мать за то, что она заперла ее здесь, ненавидит отца и Чагу за то, что они позволили ей это сделать, ненавидит себя за то, что родилась такой и разочаровала всех их. И теперь Шаффа знает, какая она слабая и ужасная.

– Ш-ш-ш. – Он встает и подходит к ней. Опускается на колени и берет ее за руки. Она начинает плакать сильнее. Но Шаффа сильно стискивает ее руки, почти больно, она пугается, вытягивает воздух и моргает, глядя на него сквозь слезы.

– Не надо, малышка. Скоро твоя мать вернется. Никогда не плачь, если тебя могут увидеть.

– П-почему?

Он такой печальный – из-за Дамайи? – когда обнимает ее.

– Это небезопасно.

Она понятия не имеет, что это значит.

Тем не менее она прекращает плакать. Когда она вытирает слезы, он стирает большим пальцем ту, что она упустила, затем, после короткого осмотра, кивает.

– Возможно, твоя мать сможет рассказать тебе, но это может и любой другой.

Дверь амбара скрипит, и входит мать. На сей раз вместе с отцом. Отец крепко сжимает челюсти, и он не смотрит на Дамайю, хотя не видел ее с того самого дня, как мать заперла ее в амбаре. Оба они смотрят на Шаффу, который встает и становится перед Дамайей, благодарно кивает, принимая свернутое одеяло и дважды перевязанный пакет от матери.

– Мы напоили вашу лошадь, – неловко говорит отец. – Вам дать фуража в дорогу?

– Незачем, – говорит Шаффа. – При хорошем ходе мы окажемся в Бреварде, как только стемнеет.

Отец хмурится.

– Придется ехать быстро.

– Да. Но в Бреварде никому из тамошних жителей не придет в голову мысль перехватить нас по дороге и не по-хорошему попрощаться с Дамайей.

Дамайя не сразу понимает, но потом до нее доходит: жители Палелы хотят убить Дамайю. Но ведь это не так? Они ведь не могут на самом деле? Она думает обо всех, кого знает. Учителей из яслей. Других детей. Старых дам из придорожной харчевни, которые водились с прабабушкой, прежде чем та умерла.

Отец тоже думает об этом – она видит это по его лицу, он хмурится и открывает рот, чтобы сказать: *они не сделают такого*. Но он закрывает рот, прежде чем слова успевают слететь с его губ. Он бросает единственный взгляд на Дамайю, полный боли, потом вспоминает, что надо отвернуться.

– Ну вот, – говорит Дамае Шаффа, протягивая одеяло. Это прабабушкино. Она смотрит на него. Потом на мать, но та смотрит в сторону.

Плакать небезопасно. Даже снимая плащ Шаффы и заворачиваясь в плед, такой знакомо-затхлый, потертый и совершенный, она сохраняет совершенно спокойное лицо. Шаффа бросает на нее взгляд, еле заметно одобрительно кивает. Затем он берет ее за руку и ведет к двери амбара.

Мать и отец идут следом, но не говорят ни слова. Она один раз все же смотрит на дом, замечает кого-то, смотрящего из-за занавески, которая потом быстро задерживается. Чага. Ее

старший брат, который учил ее читать, ездить на ослике, пускать камни прыгать по воде. Он даже рукой ей не помахал... но не потому, что ненавидит ее. Теперь она это понимает.

Шаффа сажает ее на спину лошади, такой большой, какой она никогда не видела, большого лоснистого гнедого жеребца с длинной шеей, и вот Шаффа уже в седле позади нее, подтыкает плед под ее ноги, чтобы она не натерла себе ничего, и они уезжают.

– Не оглядывайся, – говорит ей Шаффа. – Так легче.

Она не оборачивается. Потом она поймет, что он и в этом прав.

Гораздо позже, однако, она пожалеет, что не обернулась.

* * *

[неясно] льдистые глаза, пепельные волосы, чуткий нос, острые зубы, лживо-соленый язык.

Табличка вторая: «Неполная правда», стих восьмой.

3

Ты в пути

Ты все еще пытаешься решить, кем быть. Прежнее твое бытие не имеет смысла – эта женщина умерла вместе с Уке. Она не полезна, не скромна, как обычно, спокойна, как обычно, заурядна, как обычно. После всего необычного, что произошло, – нет.

Но ты до сих пор не знаешь, где Джиджа похоронил Нэссун, если он вообще удосужился похоронить ее. Пока ты не попрощалась с дочерью, тебе приходится оставаться матерью, которую она любила.

Потому ты решаешь не дожидаться прихода смерти.

Она идет за тобой – возможно, не прямо сейчас, но придет достаточно скоро. Пусть большое землетрясение миновало Тиримо, все знают, что оно *должно было* его накрыть. Сэссапины не лгут, или по крайней мере не с такой дребезжащей, изматывающей нервы, выворачивающей разум силой. Все, от новорожденных до впадающих в детство стариков, сэссили приближение этого землетрясения. А теперь, когда беженцы идут по дороге из менее удачливых городов и деревень – на юг, – люди Тиримо начнут ловить слухи. Они начнут ощущать серу на ветру. Они поднимут глаза и увидят все более странное небо и сочтут все эти перемены недобрым знаком. (Так оно и есть.) Возможно, городской глава Раск отправит, наконец, кого-нибудь посмотреть на Суме, ближайший город в соседней долине. У многих в Тиримо там семьи – два города обменивались товарами и людьми в течение поколений. Конечно, община прежде всего, но когда никто не голодает, родство и раса тоже имеют значение. Пока Раск может позволить себе быть великодушным. Возможно.

И как только разведчики вернутся и доложат о разрушениях, которые увидят в Суме – а выживших, как ты понимаешь, они не найдут, или их будет в лучшем случае горстка, – отрицать далее будет бессмысленно. Это вызовет лишь страх. А испуганные люди ищут козлов отпущения.

Потому ты заставляешь себя поесть, старательно не думая о других временах и других трапезах с Джиджей и детьми. (Неконтролируемые слезы лучше неконтролируемой рвоты, но эх, ты не можешь выбирать способа проявления своей скорби.) Затем, тихо выйдя через садовую дверь дома Лерны, ты возвращаешься в свой дом. Снаружи никого. Наверняка все у Раска, ждут новостей или распоряжений.

Дома, в одном из схронов, под ковриками хранится семейный путевой рюкзак. Ты сидишь на полу в комнате, где был насмерть забит Уке, и перебираешь содержимое рюкзака, доставая то, что не пригодится. Комплект поношенной удобной дорожной одежды Нэссун слишком мал – вы с Джиджей собирали этот рюкзак еще до рождения Уке, и все никак у вас не доходили руки перебрать его. Брусок сушеных фруктов покрылся пушистой плесенью, возможно, его еще можно есть, но ты не в настолько отчаянной ситуации (пока). В рюкзаке документы, подтверждающие вашу с Джиджей собственность на дом, и прочие бумаги, показывающие, что вы платите налоги квартенту, и оба зарегистрированы в общине Тиримо, и являетесь членами функционал-касты Стойкость. Ты оставляешь это – свое существование в финансовых и законодательных рамках за последние десять лет – несколько неопрятной стопкой вместе с заплесневелыми фруктами.

Пачка денег в резиновом кошельке – бумажных, сколько же тут бумаги – вскоре обесценятся, как только люди поймут, насколько плохи дела, но до того момента будут в ходу. А после этого хорошая растопка. Ты оставляешь обсидиановый свежевальный нож, который настоял

сюда положить Джиджа и который ты вряд ли будешь использовать, – у тебя куда лучшее природное оружие. Можно оставить на обмен, или хотя бы будет визуальным предостережением. Ботинки Джиджи также можно обменять, они в хорошем состоянии. Он никогда больше не будет их носить, поскольку, как только ты его найдешь, тут ты с ним и покончишь.

Ты останавливаешься. Переливаешь эту мысль в форму, более подходящую той женщине, которой ты решила теперь стать. Лучше ты найдешь его и спросишь, почему он сделал то, что сделал. *Как* он это сделал. И спросишь его, что еще важнее, где твоя дочь.

Перепаковывая рюкзак, ты кладешь его в один из ящиков, которые Джиджа использовал для доставки. Никто ничего не заподозрит, когда увидит тебя с этим ящиком в городе, поскольку всего несколько дней назад все часто видели тебя с ним: ты помогала Джидже в его ремесле керамиста и резчика. В конце концов кто-то задумается: почему ты продолжаешь доставлять заказы, хотя мэр вот-вот объявит Зимний Закон? Но *поначалу* большинство людей не задумаются об этом, и только это имеет значение.

Уходя, ты проходишь мимо того места, где на полу много дней лежал Уке. Лерна забрал тело, но оставил одеяло – пятен крови не видно. Но ты все равно не смотришь в ту сторону.

Твой дом – один из немногих в этом уголке города, угнездившийся между южным концом стены и городской зеленью. Это ты выбрала этот дом, когда вы с Джиджей решили купить жилье, поскольку он стоял на отшибе, в узком переулке в тени деревьев. Переулок шел напрямую от зеленой зоны к центру города, который всегда нравился Джидже. Вы постоянно спорили об этом – ты не любила находиться среди людей дольше необходимого, а Джиджа любил компанию и был неусидчив, молчание его угнетало...

Волна абсолютного, дробящего, болью раскалывающего голову гнева накрывает тебя врасплох. Тебе приходится остановиться в дверях, схватиться за косяки и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не начать кричать или бить кого-нибудь (может, себя) этим проклятым обсидиановым ножом. Или, что еще хуже, вызвать падение температуры.

Хорошо. Ты не права. Тошнота не так уж и плоха как реакция на горе по сравнению с этим.

Но у тебя нет на это времени, нет *сил*, так что ты сосредотачиваешься на другом. На чем угодно. На дереве дверного косяка у тебя под рукой. На воздухе, который ты ощущаешь сейчас больше, чем пока была дома. Сернистый запах вроде не усилился, что хорошо. Ты сэсшишь, что поблизости нигде не открываются провалы в земле, что означает, что это идет с севера, и рана там, огромный гноящийся разрыв от берега до берега, и ты *знаешь* это, хотя путники с имперского тракта приносят пока одни слухи. Ты надеешься, что концентрация серы не станет выше, поскольку в противном случае люди начнут задыхаться и страдать от рвоты, а когда пойдет дождь, речная рыба передохнет, а почва закиснет...

Да. Стало лучше. Мгновением позже ты хотя бы можешь отойти от дома, маска спокойствия снова надета прочно.

На улице мало людей. Раск, наверное, официально объявил карантин. Во время карантина городские ворота закрыты – и ты понимаешь по тому, как возле одной из сторожевых башен ходят люди, что Раск предпринял предупредительный шаг, поставив там часовых. Такого не должно быть до объявления Зимы, в душе ты проклинаешь предусмотрительность Раска. Надеешься, что он не сделал еще чего-нибудь, что осложнит твоё бегство.

Рынок закрыт, по крайней мере на время, так что никто не выгружает товары и не устанавливает цены. Комендантский час начинается с наступлением темноты, и весь бизнес, который не критичен для защиты или снабжения города, должен быть закрыт. Все знают, как должно быть в таких случаях. У всех есть свои поручения, но многое из этого можно делать дома: плести корзины для хранения, сушить и сохранять всю пищу в доме, которая может испортиться, перепрофилировать старую одежду и инструменты. Это имперски эффективно и

предписано преданием – следовать правилам и процедурам не только практично, но и полезно, чтобы занять делом большие группы обеспокоенных людей. Просто на всякий случай.

И все же, когда ты идешь по дорожке вокруг зеленых зон – во время карантина там никто не ходит, не из-за каких-то запретов, а потому, что в такие времена это напоминает им, что это *будущие поля*, а не просто приятный участок с клевером и полевыми цветами, – ты видишь лишь немногих жителей Тиримо, которые входят и выходят из домов. По большей части Опоры. Одна группа строит загон и навес, который отделит часть зеленой зоны для скота. Строительство – тяжелая работа, и те, кто занимается ею, слишком погружены в работу, чтобы заметить одинокую женщину с ящиком. Некоторые лица тебе смутно знакомы, ты видела их прежде на рынке или когда помогала Джидже. Ты перехватываешь несколько взглядов, но они тоже мимолетны. Они достаточно хорошо знают тебя в лицо, чтобы признать не-чужаком. Пока они слишком заняты, чтобы вспомнить еще, что ты *мать рогги*.

Или задуматься, от кого из родителей мертвый детеныш-рогга унаследовал свое проклятие.

В центре города людей больше. Ты смешиваешься с ними, идешь тем же шагом, что и остальные, кивая в ответ на кивки, пытаешься не думать ни о чем, чтобы лицо твое казалось усталым и отвлеченным. У офиса главы кипит деловая активность, капитаны кварталов и кастовые спикеры приходят с докладами, какие карантинные задачи выполнены, прежде чем отправиться на организацию других. Другие просто толкуются вокруг, явно надеясь услышать весть из Суме или еще откуда – но даже здесь никому нет до тебя дела. Да и с чего бы? Воздух смердит разломанной землей, и все за пределами радиуса в двенадцать миль разворочено землетрясением, какого никто из живущих ныне не видел. У людей есть заботы куда важнее тебя.

Однако все это может быстро измениться. Ты не расслабляешься.

Дом Раска представляет собой небольшое здание, втиснутое между приподнятыми на опоры зернохранилищами и тележными сараями. Когда ты поднимаешься на цыпочки, чтобы посмотреть поверх голов, то без удивления замечаешь Ойямара, заместителя Раска, который стоит на пороге и разговаривает с двумя мужчинами и женщиной, на которых известки и грязи больше, чем одежды. Наверное, укрепляют колодцы – камнелористика советует сделать это во время землетрясения, и имперская процедура карантина тоже это поощряет. Если Ойямар здесь, то Раск где-то еще, работает или – зная Раска, – спит, вымотавшись за три дня после этого события. Он вряд ли дома, иначе там его быстро нашли бы люди. Но поскольку Лерна слишком много говорит, ты знаешь, где прячется Раск, если не хочет, чтобы его тревожили.

Библиотека Тиримо – чистый курьез. Единственная причина ее существования – это то, что дед супруга одной из прежних мэров донимал письмами губернатора квартента до тех пор, пока тот не выделил денег на библиотеку, чтобы только тот заткнулся. После смерти старика библиотеку мало кто посещал, и хотя на собраниях общины были поползновения закрыть ее, голосов никогда не хватало. Так что библиотека сохранилась – ветхий старый сарай, не больше, чем твой домик, забитый книжными полками и свитками. Худенький ребенок мог передвигаться здесь не протискиваясь, но ты не худенькая и не ребенок, так что приходится протискиваться и передвигаться на четвереньках и в приседе. Нечего и думать протаскать с собой ящик – ты оставляешь его внутри, прямо у двери. Но это не имеет значения – сюда никто не заглянет, кроме Раска, который свернулся на крохотном тюфячке в дальнем конце сарая, где короткая полка оставила немного места, как раз чтобы ему втиснуться.

Когда ты наконец пробираешься между полками, Раск всхрапывает и, моргая, смотрит на тебя, сразу хмуро встречая того, кто посмел побеспокоить его. Затем он *думает*, поскольку он человек уравновешенный, за то его и выбрали. И по его лицу ты в одно мгновение видишь, как превращаешься из жены Джиджи в мать Уке, мать *рогги* и, Отец-Земля, тоже в роггу.

Это хорошо. Это облегчает дело.

– Я никому не причиню зла, – быстро говоришь ты, прежде чем он подастся прочь или заорет, или ради чего там еще он подобрался. И, к твоему изумлению, Раск моргает и снова *думает*, и паника уходит с его лица. Он садится, приваливается к деревянной стене и долгое тревожное мгновение смотрит на тебя.

– Полагаю, ты пришла не затем, чтобы сказать мне это, – говорит он.

Ты облизываешь губы и пытаешься сесть на корточки. Получается неловко, поскольку места мало. Приходится сесть на полку, и твои колени придвигаются к Раску больше, чем тебе хочется. Он чуть улыбается твоему дискомфорту, затем его улыбка угасает, когда он вспоминает, кто ты такая, и хмурится, как будто эти обе мысли раздражают его.

Ты говоришь:

– Ты не знаешь, куда мог уйти Джиджа?

Лицо Раска дергается. Он достаточно стар, чтобы быть тебе отцом, но человека, который менее способен вести себя как отец, ты в жизни не видела. Тебе всегда хотелось посидеть с ним где-нибудь с пивом, хотя это не соответствует твоему обыденному, скромному камуфляжу, которым ты себя окутала. Многие в городе так воспринимают его, несмотря на тот факт, что он, как ты знаешь, не пьет. Выражение его лица в этот момент, однако, заставляет тебя впервые подумать, что он был бы хорошим отцом, будь у него дети.

– Вот, значит, что, – говорит он. Его голос хриплый со сна. – Он убил малыша? Люди так и думают, хотя Лерна сказал, что не уверен.

Ты киваешь. Ты тоже не смогла сказать Лерне слова *да*.

Раск не сводит взгляда с твоего лица.

– И малыш был...?

Ты снова киваешь, и Раск вздыхает. Ты замечаешь, что он не спрашивает, не являешься ли *ты* чем-нибудь таким.

– Никто не видел, куда Джиджа ушел, – говорит он, подтягивая колени и кладя на них руку. – Люди говорили об... убийстве, поскольку это легче, чем говорить о... – Он беспомощно поднимает и роняет руки. – В смысле слухов много, и по большей части грязь, а не камень. Некоторые видели, как Джиджа грузил вашу телегу и потом уехал с Нэссун...

Твои мысли сбиваются в кучу.

– С Нэссун?

– Да, с ней. А что... – Тут Раск понимает: – О, черт, и она тоже?

Ты пытаешься не дрожать. Ты сжимаешь кулаки, чтобы не дрожать, и земля у тебя под ногами немедленно ощущается ближе, воздух вокруг тебя тут же холодеет, прежде чем ты успеваешь сдержать свое отчаяние, радость, ужас и ярость.

– Я не знала, что она жива. – Это все, что ты говоришь после очень долгого, по ощущениям, мгновения.

– О. – Раск моргает, и сочувственное выражение возвращается на его лицо. – Ну, когда он уезжал, она была с ним. Никто не подумал ничего, да и не знал. Большинство думали, что отец просто пытается научить первенца своему делу или уберечь заскучавшего ребенка от беды. Затем случилась вся эта хрень на севере, и все забыли об этом, пока Лерна не сказал, что нашел тебя... и твоего ребенка. – Он замолкает. На миг стискивает челюсти. – Никогда не думал, что Джиджа такой. Он бил тебя?

Ты качаешь головой.

– Никогда.

Было бы легче все это перенести, если бы Джиджа прежде бывал жесток. Тогда ты могла бы винить себя за недалекость или благодушие, а не за грех деторождения.

Раск делает глубокий медленный вдох.

– Дерьмо... вот же... дерьмо.

Он мотает головой, проводит рукой по седым всклокоченным волосам. У него пепельные волосы не от рождения, как у Лерны и других, ты помнишь то время, когда его волосы были коричневыми.

– Ты пойдешь за ним?

Его глаза бегают. Это не то чтобы надежда, но ты понимаешь то, что он из вежливости не осмеливается сказать. *Пожалуйста, покинь город как можно скорее.*

Ты киваешь, с радостью соглашаясь.

– Мне нужно, чтобы ты дал мне пропуск.

– Заметано. – Он мнетя. – Ты понимаешь, что не сможешь вернуться?

– Понимаю. – Ты с трудом выдавливаешь улыбку. – Я и не хотела.

– Не могу тебя винить. – Он вздыхает, снова неуютно мнетя. – Моя... моя сестра.

Ты не знала, что у Раска есть сестра. Затем ты понимаешь.

– Что с ней случилось?

Он пожимает плечами.

– Обычное дело. Мы жили тогда в Суме. Кто-то понял, что она такое, сказал горстке других, и вечером за ней пришли. Я мало что помню – мне было всего шесть. После этого наши вместе со мной переехали сюда. – Рот его дергается в подобии улыбки. – Потому я никогда и не хотел детей.

Ты улыбаешься.

– Я тоже.

Но Джиджа хотел.

– Ржавь земная. – Он на мгновение закрывает глаза, затем резко встает. Ты тоже, иначе твое лицо окажется слишком близко к его грязным старым штанам. – Если пойдешь прямо сейчас, я выведу тебя из ворот.

Это удивляет тебя.

– Я пойду прямо сейчас. Но тебе необязательно.

Ты не уверена, что это хорошая идея, это правда. Это может привлечь больше внимания, чем тебе хочется. Но Раск качает головой, лицо его жестко и угрюмо.

– Обязательно. Идем.

– Раск...

Он смотрит на тебя, и на сей раз кривишься ты. Дело уже не в тебе. Толпа не посмела бы забрать его сестру, будь он тогда взрослым мужчиной.

Или они просто убили бы еще и его.

Вы идете к Главным воротам по улице Семи Зим, главной улице городка, и он несет твой ящик. Ты вся напряжена, но пытаешься казаться уверенной и спокойной, хотя чувствуешь себя далеко не так. Сама бы ты никогда не пошла таким путем, мимо всех этих людей. Поначалу все обращают внимание на Раска – машут ему рукой, подходят спросить о новостях... затем они видят тебя. Они перестают подходить и смотрят, стоя поодаль группками по двое-трое. И порой идут следом. Ничего такого – просто обычная суетность маленьких городков, по крайней мере с виду. Но ты видишь, как эти группки людей перешептываются, ты ощущаешь их взгляды, и все это напрягает твои нервы до предела.

Когда вы подходите, Раск приветствует стражу у ворот. С десятков или около того Опор, которые в обычной жизни, скорее всего, шахтеры или фермеры, просто топчутся перед воротами без всякой организованности. Двое сидят на вышках, построенных на стене, откуда они могут наблюдать за воротами, двое стоят у смотровых отверстий на земле. Остальные скучают или перебрасываются друг с другом шуточками. Раск выбрал их, видимо, за угрожающий вид – они здоровенные, как санзе, и выглядят так, словно могут справиться без своих стеклянных ножей и арбалетов.

Тот, который выходит навстречу Раску, самый низкорослый – ты его знаешь, хотя и не помнишь его имени. Его дети учились в твоём классе. Ты видишь, что и он вспомнил тебя, глаза его сузились и впились в тебя.

Раск останавливается и ставит ящик на землю, открывает его и протягивает тебе твой путевой рюкзак.

– Карра, – говорит он знакомому тебе человеку, – здесь все в порядке?

– До этой минуты было в порядке, – говорит Карра, не сводя с тебя взгляда. От этого у тебя кожа идет мурашками. На вас смотрят еще двое Опор, переводя взгляд с Карры на Раска и обратно, готовые подчиниться чьему-нибудь приказу. Одна женщина откровенно сверлит тебя взглядом, в то время как остальным хватает взглядов украдкой.

– Рад это слышать, – говорит Раск. Ты видишь, как он еле заметно хмурится, словно читает те же сигналы, что улавливаешь ты.

– Вели своим людям приоткрыть ворота на минутку.

Карра не сводит с тебя глаз.

– Ты считаешь это хорошей идеей, Раск?

Раск хмурится и делает резкий шаг к Карре, глядя ему прямо в лицо. Раск некрупный человек, но он Инноватор, а не Опора, хотя на самом деле это уже не имеет значения – но ему и не надо.

– Да, – отвечает Раск голосом таким тихим и натянутым, что Карра смотрит на него как минимум в изумленном оцепенении. – Я так считаю. Открой ворота, если ты *не против*. Если ты не до чертиков занят.

Ты вспоминаешь строку из Предания камня, Структуры, стих третий: *«Тело гибнет. Лидер, который остается, полагается на большее»*.

Карра стискивает челюсти, затем кивает. Ты пытаешься сделать вид, что поглощена надеванием рюкзака. Лямки слишком выпущены. Последним его надевал Джиджа.

Карра и остальные привратники принимаются за дело, работают с системой блоков, помогающих открыть ворота. Большая часть стен Тиримо построена из дерева. Это небогатая община, у них нет средств, чтобы достать хороший камень или нанять нужное количество каменщиков, хотя живут они лучше, чем общины с худшим управлением или совсем новые, у которых еще и стен-то нет. Ворота, однако, каменные, поскольку именно ворота – самое слабое место любой общинной стены. Им нужно всего лишь чуть приоткрыть их для тебя, и после нескольких медленных скрежещущих мгновений и перекрикиваний с теми, кто следит за приближением возможных чужаков, они останавливаются.

Раск, явно неуютно чувствующий себя, поворачивается к тебе.

– Прости за... за Джиджу, – говорит он. Не за Уке, но, может, это и к лучшему. Надо, чтобы голова у тебя оставалась ясной. – За всех за нас, ржавь. Надеюсь, ты найдешь этого ублюдка.

Ты только качаешь головой. В горле у тебя стоит комок. Тиримо десять лет был твоим домом. Ты только начала думать о нем как о доме примерно тогда, когда родился Уке, но это больше, чем ты ожидала. Ты вспоминаешь, как гонялась за Уке по лугам, когда он только научился бегать. Ты вспоминаешь, как Джиджа помогал Нэссун сделать воздушного змея и запускать его кое-как, – останки змея все еще висят где-то на дереве в восточной части города.

Но уходить не так тяжело, как тебе казалось. Не сейчас, когда взгляды твоих соседей стекают по тебе, как прогорклое масло.

– Спасибо, – бормочешь ты, объединяя этим словом очень многое, поскольку Раск не был обязан тебе помогать. Этим он навредил себе. Теперь привратники меньше уважают его, и пойдут слухи. Скоро все будут знать, что он любовник рогги, а это опасно. Глава не может позволить себе такой слабости, когда Зима близко. Но сейчас для тебя имеет значение этот

момент публичного достоинства, эти доброта и честь, которых ты никогда не думала заслужить. Ты не знаешь, как реагировать на это.

Он кивает с прежней неловкостью и отворачивается, когда ты направляешься к проходу. Возможно, он не замечает, как Карра кивает одному из привратников, возможно, он не видит, как эта женщина снимает с плеча арбалет и целится в тебя. Возможно, позже думаешь ты, Раск мог бы остановить эту женщину и как-то предотвратить все, что произошло, если бы видел.

Однако *ты* ее видишь, по большей части краем глаза. Затем все происходит слишком быстро, чтобы думать. И поскольку ты *не* думаешь, поскольку ты стараешься не думать, а это означает, что ты действуешь по привычке, поскольку если думать, то ты вспомнишь, что твоя семья *мертва*, и все, что значит счастье, теперь *ложь*, и что если об этом думать, ты сломаешься и начнешь кричать, и кричать, и кричать.

И поскольку некогда в другой жизни ты научилась отвечать на внезапную угрозу совершенно особым образом, ты...

Устремляешься к воздуху и *тянешь* его к себе...

И упираешься ногами в землю, и *укореняешься*, и *сужаешься*...

И когда женщина выпускает стрелу, она летит в тебя. Прямо перед тем как попасть, она разлетается на миллион сверкающих замерзших частичек.

(*Гадкая, гадкая*, упрекает голос у тебя в голове, голос твоего сознания, низкий и мужской. Ты забываешь эту мысль почти сразу же. Это голос из другой жизни.)

Жизнь. Ты смотришь на женщину, которая только что пыталась тебя убить.

– Что за... Ржавь!

Карра пялится на тебя, словно ошарашен тем, что ты не упала мертвой. Он пригибается, сжимает кулаки и чуть ли не подпрыгивает от возбуждения.

– Стреляй! Убей ее, Земля тебя поглотит, пока...

– Ты что творишь? – Раск наконец заметил, что происходит. Он поворачивается. Слишком поздно.

Внизу, у тебя под ногами – и у всех – начинается дрожь.

Поначалу ее трудно заметить. Нет предварительного резкого звука сэсуны, как если бы дрожь шла *от земли*. Вот почему люди боятся таких, как ты, потому что ты за пределами ощущения и подготовки. Ты – неожиданность, как внезапная зубная боль, как сердечный приступ. Вибрация того, что ты делаешь, поднимается быстро, превращается в гул напряжения, который можно слышать ушами, ощущать ногами и кожей, если нет сэсапин, но к этому моменту уже слишком поздно.

Карра хмурится, глядя на землю у себя под ногами. Женщина с арбалетом замирает в момент перезарядки. Она, выкатив глаза, смотрит на то, как дрожит тетива. У тебя под ногами круг инея радиусом в два фута покрывает утрамбованную землю. Твои волосы легко вздымаются на крепчающем ветру.

– Ты не можешь, – шепчет Раск, глаза его расширяются при взгляде на твое лицо. (Ты не знаешь, на что ты сейчас похожа, но, судя по его глазам, это должно быть ужасно.) Он мотает головой, словно отрицание может что-то остановить, делает шаг назад, затем еще один.

– Иссун.

– Это ты его убил, – говоришь ты Раску. Иррационально. Ты обращаешься к нему, хотя говоришь «ты» всему городу. Раск не пытался убить тебя, он не имеет отношения к смерти Уке, но попытка убить тебя спустила с цепи что-то дикое, яростное и холодное. *Вы трусы. Вы звери. Вы глядите на ребенка и видите добычу.* Какой-то частью сознания ты понимаешь, что в смерти Уке виноват Джиджа, но Джиджа вырос здесь, в Тиримо. Что за ненависть может заставить мужчину убить своего сына? Она исходит отовсюду вокруг тебя.

Раск втягивает воздух.

– Иссун...

И тут дно долины разверзается.

Первого толчка достаточно, чтобы все, кто стоял, попадали на землю, а все дома в Тиримо зашатались. Затем дома дрожат и дребезжат, когда толчок переходит в длительную ровную дрожь. Тележная мастерская Сайдера обрушивается первой, старые деревянные рамы дома сползают с фундамента. Изнутри доносятся крики, какая-то женщина успевает выбежать, прежде чем дом обрушивается внутрь. В восточной части города, самой близкой к отрогам гор, обрамляющих равнину, начинается оползень. Участок восточной стены общины и три дома погребены под внезапным потоком грязи, деревьев и обломков скал. Глубоко под землей, там, где никто, кроме тебя, не может этого почувствовать, глиняные стены подземного водопровода, снабжающего городские колодцы, трескаются. Водопровод начинает протекать. Люди через много недель осознают, что в это мгновение ты убила город, но вспомнят, когда пересохнут колодцы.

Те, кто переживет следующие несколько мгновений, как-то поймут. От твоих ног начнет распространяться круг инея и снежной метели. Быстро.

Первым он настигает Раска. Он пускается бежать, когда край твоего круга накатывает на него, но он стоит слишком близко. Он настигает его на середине рывка. Его стопы покрываются льдом, ноги каменеют, иней пожирает его вверх по позвоночнику, и в мгновение ока он падает наземь, как камень, такой же пепельно-серый, как и его волосы. Следующим круг поглощает Карру, который продолжает орать, чтобы кто-то убил тебя. Крик застывает в его глотке, когда он падает, заледенев в мгновение ока, последнее тепло выходит из него сквозь стиснутые зубы и замерзает на земле, когда ты крадешь у нее тепло.

Конечно, ты убиваешь не только своих соседей. Птичка, сидевшая на соседнем заборе, тоже падает, замерзшая, на землю. Трава хрустит, земля твердеет, воздух шипит и воет, когда влагу и плотность вытягивают из ее сущности... но никто и никогда не плакал по дождевым червям.

Быстро. По улице Семи Зим проходит порыв ветра, заставляя деревья шелестеть, а всех вокруг кричать от страха, когда они осознают, что происходит. Земля не перестает дрожать. Ты качаешься вместе с ней, но поскольку ты знаешь ее ритм, тебе легко балансировать вместе с ней. Ты делаешь это не раздумывая, поскольку в тебе осталось место только для одной-единственной мысли.

Эти люди убили Уке. Их ненависть, их страх, их ничем не объяснимая жестокость. Они.
(Он.)

Убили твоего сына.

(Джиджа убил твоего сына.)

Люди выбегают на улицы, вопя и не понимая, почему не было предупреждения, и ты убиваешь всякого, кто слишком глуп или слишком испуган, чтобы подойти близко.

Джиджа. Они Джиджа. Весь этот ржавый город *Джиджа*.

Однако две вещи спасли общину, по крайней мере большую ее часть. Первая – это то, что большая часть домов не рухнула. Тиримо слишком беден, чтобы строить из камня, но большинство его строителей были добросовестны и получили хорошую плату, чтобы строить дома согласно технологии, рекомендуемой камнелористикой: подвесной каркас, центральная балка. Второй – линия тектонического дефекта, которую ты сейчасрываешь силой мысли, на самом деле проходит в нескольких милях западнее. Из-за этого большая часть Тиримо выживет, по крайней мере пока колодцы не пересохнут.

Из-за этого. И из-за испуганного, прерывистого крика маленького мальчика, когда его отец выбегал из бешено качающегося здания.

Ты тут же поворачиваешься на крик, привычно, ориентируясь по своему материнскому слуху. Мужчина обнимает мальчика обеими руками. У него даже нет путевого рюкзака; единственное, что он подумал сделать, – схватил своего ребенка. Мальчик совсем не похож на Уке.

Но ты неотрывно смотришь, как мальчик мечется и тянется к дому, где мужчина забыл что-то важное (любимую игрушку? мать мальчика?), и, наконец, внезапно ты *думаешь*.

А потом ты останавливаешься.

Потому что о, Земля безжалостная... Смотри, что ты наделала.

Толчки прекращаются. Воздух снова шипит, на сей раз потому, что теплый, более влажный воздух врывается в пространство вокруг тебя. Земля и твоя кожа внезапно становятся мокрыми от конденсата. Гул долины затихает, остаются только вопли и треск ломающегося дерева, да еще сирены, которые слишком поздно, одиноко завывали.

Ты закрываешь глаза, страдая, дрожа и думая. *Нет. Это я убила Уке. Тем, что была его матерью*. На твоём лице слезы – а ты думала, что не можешь плакать.

Но теперь между тобой и воротами никого нет. Привратники, кто мог, разбежались. Кроме Раска и Карры, еще несколько слишком замешкались. Ты взваливаешь рюкзак на плечо и идешь к открытым воротам, отирая лицо рукой. Ты улыбаешься, хотя это горько и больно. Ты не можешь не признать иронии случившегося. Ты не хотела ждать, пока смерть придет за тобой. Верно.

Дура. Дура. Смерть всегда была рядом. Смерть – это ты.

* * *

Никогда не забывай, что ты такое.

Табличка первая: «О выживании», стих десятый.

4

Сиенит, огранена и отшлифована

Какое же дерьмо, думает Сиенит, скрывая мысли за щитом милой улыбки.

Однако она не позволяет своей обиде проступить на лице. Она даже не шелохнется в кресле. Ее руки – четыре пальца украшены простыми кольцами из карнеола, белого опала, золота и оникса – лежат на коленях. Шпату не видно их из-за стола. Она могла бы стиснуть их в кулаки, если бы Шпат не была так умна. Она этого не делает.

– Коралловые рифы действительно вызов, ты сама это понимаешь, – говорит Шпат. В ее руках большая деревянная чашка сафе, она улыбается поверх края. Она прекрасно знает, что прячется за улыбкой Сиенит. – Это не обычный камень. Коралл порист и гибок. Точного контроля, который требуется для его разрушения, без того чтобы вызвать цунами, трудно достичь.

Сиен способна сделать это даже во сне. Даже двухколечник может. Любая галька это может – впрочем, не без существенных побочных разрушений. Она берет собственную чашку, крутит деревянное полушарие в пальцах, чтобы они не дрожали, затем отпивает глоток.

– Я ценю, что вы назначили мне ментора, старшая.

– Не ценишь. – Шпат тоже улыбается, отпивает из своей чашки сафе, край которой в этот момент окаймляется розовым. У них словно личное состязание, этикет против этикета, лучшая самодовольная улыбка получает все.

Поскольку всем понятно, о чем на самом деле идет речь. Это не сглаживает обиду, но дает Сиен некую удовлетворенность. По крайней мере ее новый «ментор» десятиколечник. Также приятно сознавать, что ее так ценят. Из этого она черпает крохи самоуважения – все, какие может.

– Он недавно завершил круг по Южному Срединью, – ласково продолжает Шпат. В теме разговора нет ничего ласкового, но Сиен ценит потуги старшей женщины. – Обычно мы даем ему больше отдыха, прежде чем снова отправить в путь, но губернатор квартента настаивает, чтобы мы разобрались с блокадой гавани Аллии как можно скорее. Эту работу сделаешь ты, он будет просто направлять. Дорога туда займет чуть больше месяца, если не будешь много отклоняться от маршрута и ехать не спеша. Торопиться ни к чему, поскольку коралловый риф стал проблемой не вчера.

При этих словах Шпат пусть на мгновение, но показывает настоящее раздражение. Квартент-губернатор Аллии, или, возможно, Лидер Аллии, наверняка особенно надоедлив. За те годы, пока Шпат была ее назначенным старшим, Сиен никогда не видела, чтобы та выказывала что-то большее, чем кривая улыбка. Они обе знают правила: орогены Эпицентра – имперские орогены, черномундирники, те, которых не следует убивать, как бы там их ни называли люди, – должны быть всегда вежливы и профессиональны. Орогены Эпицентра должны распространять вокруг себя уверенность и компетентность всегда, когда находятся на людях. Орогены Эпицентра никогда не должны выказывать гнева, поскольку это заставляет *глухачей* нервничать. Только Шпат никогда не использовала бы такое ругательство – *глухачи*, – но потому Шпат и старшая, и ей даны полномочия инспектора, в то время как Сиенит лишь шлифует свои углы. Она должна продемонстрировать больший профессионализм, если хочет получить работу Шпат. И, видимо, придется сделать еще кое-что.

– Когда я с ним встречусь? – спрашивает Сиенит. Она отпивает сафе, чтобы ее вопрос звучал небрежно. Просто разговор старых подруг.

– Когда пожелаешь. – Шпат пожимает плечами. – Он живет в доме старших. Мы послали ему инструкцию и просьбу о присутствии на этой встрече... – Снова она кажется слегка раздосадованной. Вся ситуация должна быть для нее ужасной, просто ужасной. – ...Но, возможно, он пропустил сообщение, поскольку, как я сказала, он отдыхает от объезда. Путешествовать через Ликешские горы в одиночку непросто.

– В одиночку?

– Пятиколучникам и выше больше не требуется напарник или Страж для путешествий вне Эпицентра. – Шпат отпивает из чашки, не видя потрясения Сиенит. – В этот момент мы считаемся достаточно стабильными в нашем владении орогенией, чтобы получить толику самостоятельности.

Пять колец. У нее четыре. И бредятина, что количество колец связано со степенью контроля орогении. Если у Стража есть сомнения насчет того, что ороген будет следовать правилам, то ороген не получит даже первого кольца, не то что пятого. Но...

– Значит, будем только я и он.

– Да. Нам показалось такое сочетание наиболее эффективным в данных условиях.

Конечно.

Шпат продолжает:

– Ты найдешь его в Точеном Выступе. – Это комплекс зданий, в котором живет большая часть старших Эпицентра. – Главная башня, верхний этаж. Отдельных помещений для высших орогенов нет, поскольку они так редки – он единственный десятиколучник в настоящий момент, – но мы, по крайней мере, смогли выделить ему там помещение побольше.

– Спасибо, – говорит Сиен, снова вращая чашку. – Я навещу его после этого.

Шпат молчит – долго. Ее лицо становится еще более приятно-непроницаемым, чем обычно, и это предупреждение для Сиенит. Затем Шпат говорит:

– Как десятиколучник он имеет право отказаться от любой миссии, если она не чрезвычайна. Ты должна это знать.

Минутку. Пальцы Сиен прекращают вращать чашку, она быстро поднимает глаза, встречаясь со взглядом старшей женщины. Неужели Шпат говорит именно то, что хочет сказать? Быть не может. Глаза Сиен сужаются, она больше не пытается скрыть подозрений. И все же. Шпат показала ей выход. Почему?

Шпат еле заметно улыбается.

– У меня шестеро детей.

– А.

Значит, больше ничего сказано не будет. Сиен делает еще один глоток, пытаясь не морщиться от меловой крошки на дне чашки. Сафе питательно, но это не тот напиток, которым наслаждаются. Он делается из растительного молочка, которое меняет цвет в присутствии любого загрязнителя, даже слюны. Его подают гостям на встречах, поскольку, ну, он безопасен. Жест вежливости, показывающий: *я не отравлю тебя*.

После этого Сиен прощается со Шпат и направляется к Главному административному зданию. Оно возвышается среди скопления зданий поменьше на краю широкого, полудикого пространства, называемого Кольцевым садом. Сад имеет в ширину несколько акров и широкой полосой в несколько миль охватывает Эпицентр. Он такой большой, этот Эпицентр, город в городе, помещенный в центре Юменеса, как... колодец. Сиенит продолжила бы – *как ребенок во чреве матери*, но сегодня такое сравнение выглядит слишком гротескным.

Она по дороге кивает своим приятелям-младшим. Некоторые из них просто стоят или сидят группками и разговаривают, в то время как другие валяются на газонах или клумбах и читают, флиртуют или спят. Жизнь кольцевиков легка, не считая миссий за пределами Эпицентра, но они кратки и нечасты. Горстка галек топает по извилистым мощеным дорожкам ровной цепочкой под присмотром юниоров, добровольно вызвавшихся быть им инструкторами,

но галькам пока еще не дозволено гулять в саду – это привилегия только для тех, кто прошел тест на первое кольцо и чья инициация была одобрена Стражами.

И, словно мысль о Стражах вызвала их, Сиен замечает группу фигур в винно-красной форме, стоящих возле одного из многочисленных прудов Кольца. На другой стороне пруда еще один Страж, развалившийся в гроте, окруженном розовыми кустами, вежливо делает вид, что слушает, как молодой юниор поет маленькой группе сидящих на земле слушателей. Возможно, Страж *действительно* вежливо слушает, иногда такое бывает. Иногда и им надо расслабиться. Однако Сиен замечает, что взгляд этого Стража чаще всего задерживается на одном из слушателей – худеньком бледном мальчике, который, сдаётся, не слишком внимательно слушает певца. Вместо этого он смотрит на свои руки, сложенные на коленях. Два его пальца перебинтованы вместе и выпрямлены.

Сиен идет дальше.

Она останавливается у Кривого Щита, одного из многочисленных кластеров зданий, в которых живут сотни юниоров-орогенов. Ее соседки по комнате отсутствуют и не видят, как она уносит несколько необходимых вещей, прижимая их к груди, чему она болезненно рада. Они и так скоро узнают о ее новом назначении из слухов. Затем она снова идет вперед, в конце концов достигая Точеного Выступа. Эта башня – одно из старейших зданий комплекса Эпицентра, низкая и широкая, построенная из тяжелых блоков белого мрамора, с простыми углами, нетипичными для более цветистой, изысканной архитектуры Юменеса. Большие двустворчатые двери открываются в обширный элегантный вестибюль, чьи стены и пол украшены резными картинами из истории Санзе. Она сдерживает шаг и идет неторопливо, раскланиваясь со старшими, узнает она их или нет – в конце концов, она *хочет* получить работу Шпат, – и поднимается по широкой лестнице постепенно, то и дело останавливаясь, чтобы оценить изящное расположение пятен света и тени, отбрасываемых узкими окошками. Она не понимает на самом деле, что такого особенного в этих пятнах, но все говорят, что это потрясающий шедевр, так что надо делать вид, что она это ценит.

На самой верхней площадке, где застилающий ее полностью плюшевый ковер расписан «елочкой» солнечного света, она останавливается, чтобы перевести дыхание и насладиться действительно ценным: тишиной. Одиночеством. В коридоре никого, даже юниоров низкого ранга, которые здесь для уборки или по поручениям. Она слышала разговоры, а теперь знает, что это правда – у десятиколючников есть целый собственный этаж.

Вот она, настоящая награда за превосходство – уединение. Она на миг закрывает глаза в мучительной тоске. Затем Сиен идет по коридору, пока не подходит к единственной двери, перед которой лежит циновка.

В этот момент она все же медлит. Она ничего не знает об этом человеке. Он достиг высочайшего ранга, который есть в их орденах, что означает, что больше никому нет дела до того, что он делает, пока он творит все свои выкрутасы не на глазах у всех. Это человек, который не имел никакой власти большую часть своей жизни и лишь недавно получил самостоятельность и привилегии, возвышающие его над остальными. Никто не понизит его в ранге за такие пустяки, как извращение или оскорбление. Если его жертва – другой ороген.

К чему эти мысли? У *нее* нет выбора. Сиен вздыхает и стучит в дверь.

И поскольку она ожидает не *личности*, а *испытания, которое надо вынести*, она действительно удивлена, когда раздраженный голос изнутри резко спрашивает:

– *Что там?*

Она все еще не знает, как ответить, когда слышит внутри шаги по камню – резкие, даже по звуку раздраженные – и дверь распаивается. Мужчина, стоящий на пороге и зло смотрящий на нее, одет в мятый балахон, волосы с одной стороны прилипли к лицу, на щеке отпечаталась хаотичная карта складок. Он моложе, чем она ожидала. Не *молод* – почти вдвое старше ее, как минимум сорока лет. Но она бы подумала... ладно. Она встречала так много шести- и

семиколючников за шестьдесят и семьдесят лет, что ожидала, что десятиколючник будет совсем старцем. И более спокойным, величавым, более сдержанным. Каким-то таким. А этот даже не носит колец, хотя она видит слабые бледные полоски на его пальцах, пока он сердито жестикулирует.

– Что надо ради пульса Земли?

Когда Сиен молчит, просто глядя на него во все глаза, он переходит на другой язык – такого она никогда не слышала, но он смутно напоминает говор Побережья и явно злой. Затем он проводит пятерней по волосам, и Сиен чуть ли не смеется. У него плотные волосы с тугими кудряшками, из тех, которые надо определенным образом стричь, чтобы выглядеть стильно, а так он только еще сильнее их лохматит.

– Я же говорил Шпат. – Он возвращается к совершенно беглому санзийскому, явно пытаясь взять себя в руки. – И всем этим занудным, въедливым курицам из совета старших *отстать от меня!* Я только что с объезда, за последний год у меня было всего два часа, когда я мог побыть сам с собой, а не с конем или чужаком, и если ты приперлась передать мне очередной приказ, я тебя на месте заморожу!

Она совершенно уверена, что это только фигура речи. Такую фигуру речи она использовать не должна – орогены Эпицентра не шутят насчет определенных вещей. Это одно из неписанных правил... но, возможно, десятиколючнику закон не писан.

– Не то чтобы приказ, – с трудом выдавливая она, и его лицо кривится.

– Тогда вообще ничего не желаю слышать. *Ржавей отсюда.*

И он начинает закрывать дверь у нее перед носом.

Поначалу она не может поверить. Что же за... Правда? Унижение на унижении. И так плохо получить такое в самом начале, но нахвататься оскорблений в процессе?

Она всовывает ногу в дверь прежде, чем он успевает ее захлопнуть, подается вперед и говорит:

– Я Сиенит.

По его теперь уже бешеному взгляду она понимает, что это для него ничего не значит. Он набирает в грудь воздуха, чтобы заорать, она понятия не имеет, что именно, но она не желает этого слышать, и прежде чем он успевает что-то сказать, она рявкает:

– Я здесь, чтобы *трахнуть* с тобой, гори Земля огнем! Этого достаточно, чтобы потревожить твой покой?

Часть ее в ужасе от собственной лексики и собственного гнева. Другая часть довольна, поскольку он затыкается.

Он впускает ее.

Теперь она ощущает неловкость.

Она сидит за маленьким столиком в его номере – *номере*, целом номере с обставленными мебелью комнатами в *личном распоряжении!* – и смотрит, как он суетится. Он садится на одну из кушеток в комнате – скорее на краешек. На *дальний* краешек, замечает она, словно боится сидеть слишком близко к ней.

– Не думал, что это начнется так скоро, – говорит он, глядя на свои руки со сплетенными пальцами. – То есть мне всегда говорили, что очень надо, но сейчас... я не думал...

Он вздыхает.

– Значит, для вас это не в первый раз, – говорит Сиенит. Он заслужил право на отказ только с десятим кольцом.

– Нет-нет, но... – Он глубоко вздыхает. – Я не всегда знал.

– Чего?

Он кривится.

– С первыми несколькими женщинами... Я думал, я им *нравился*.

– Вы... – И тут до нее доходит. Конечно, отказаться можно всегда, даже Шпат никогда не говорила напрямую: «*Ты должна в течение года родить ребенка от этого человека*». Однако этот недостаток откровенности даже как-то облегчает. Она никогда не видела смысла в том, чтобы считать ситуацию не такой, какая она есть. Но она понимает, что для него это не игра.

Он смотрит на нее, и выражение его лица становится болезненным.

– Да. Я понимаю.

Она качает головой.

– Я вижу. – Это не имеет значения. Это не касается его интеллекта. Она встает и расстегивает пояс формы.

Он испуганно смотрит на нее.

– Прямо так? Я даже не знаю тебя.

– Вам и не надо.

– Ты мне не нравишься.

Это чувство обоюдно, но Сиен воздерживается от указания очевидного.

– Моя менструация закончилась неделю назад. Это хорошее время. Если вы не против, просто лежите спокойно и позвольте мне заняться остальным. – Она не слишком опытна, но это не тектонические плиты двигать. Она снимает жакет. Затем достает из кармана и показывает ему флакон со смазкой, все еще почти полный. У него слегка испуганный вид. – На самом деле будет, видимо, лучше, если вы не будете двигаться. Это будет достаточно неловко для нас обоих.

Он тоже встает – пятится. Возбуждение на его лице – ну, не совсем чтобы смешное. Но Сиенит от этой реакции невольно ощущает некое облегчение. Нет, не совсем так. Это он сейчас слабая сторона, несмотря на все его десять колец. Это она понесет дитя, которого он не хочет, которое может убить ее, и даже если не убьет, изменит ее тело, а то и жизнь, навсегда – но здесь и сейчас, по крайней мере, власть у нее. От этого все становится... ну, не то чтобы правильным. Но каким-то образом это улучшает ситуацию, когда она сама ее контролирует.

– Мы не обязаны, – выпаливает он. – Я могу отказаться. – Он кривится. – Понимаю, ты не можешь, но я могу. Так что...

– Не отказывайтесь, – ухмыляется она.

– Что? Почему нет?

– Вы сказали: я должна это сделать. Вы не должны. Если не вы, то кто-то другой. – Шесть детей, сказала Шпат. Но Шпат никогда не была особо перспективным орогеном. А Сиенит перспективна.

Если Сиенит не будет осмотрительна, если пошлет подальше не тех людей, если позволит отметить себя как *трудную*, с ее карьерой будет покончено, она будет навечно приписана к Эпицентру, и ей останется только лежать на спине и превращать мужское уханье и пердеж в детей. И если дело повернется таким боком, то ей еще повезет, если у нее будет только шесть детей.

Он смотрит, словно не понимает, хотя она и знает, что он все понял. Она говорит:

– Я хочу покончить с этим.

И тут он удивляет ее. Она ожидает заминок, сопротивления. Вместо того он стискивает кулаки. Отводит взгляд, играя желваками. Он по-прежнему выглядит нелепо в своем балахоне и прической наперекосяк, но выражение его лица... это как будто ему приказали подвергнуть себя пытке. Она знает, что некрасива, по крайней мере не подходит под стандарты красоты Экваториалей. В ней слишком много срединной дворняжьей примеси. Но и он явно не чистой крови: эти волосы, кожа черная почти до синевы, и еще он невысок. Он вровень с ней, а она высока как для мужчины, так и для женщины – но он гибок, не широк и не пугающ. Если в его предках и была кровь санзе, то очень дальняя, и она не дала ему никакого физического превосходства.

– Покончить, – говорит он. – Верно.

Он так стискивает зубы, что желваки на его скулах подпрыгивают вверх-вниз. И вот. Он не смотрит на нее, и ее внезапно охватывает радость. Поскольку его лицо – *сама ненависть*. Она прежде видела такое у других орогенов – ржавь, она сама такое ощущала, когда ей выпадал момент одиночества и нескованной честности. Но она никогда не позволяла этому вот так *проявляться*. Затем он поднимает на нее взгляд, и она пытается не дрогнуть.

– Ты не здесь родилась, – на сей раз холодно говорит он. Она запоздало понимает, что это вопрос.

– Нет. – Ей не нравится отвечать последней. – А вы?

– О да. Я был выведен орденом. – Он улыбается, и странно видеть, как улыбка ложится поверх этой ненависти. – И не впопыхах, как наш возможный ребенок. Я продукт двух старейших и самых перспективных линий Эпицентра. Или, по крайней мере, мне так рассказывали. – Он засовывает руки в карманы своего мягкого балахона. – А ты дичок.

Это появляется из ниоткуда. Сиен действительно пару секунд думает, что это какой-то новый вариант слова «рогга», а затем понимает, что это на самом деле значит. Нет, это уже слишком.

– Слушайте, мне плевать, сколько у вас колец...

– Я хотел сказать, *они* так тебя называют. – Он снова улыбается, и его горечь настолько созвучна ее собственной, что она в смятении замолкает. – Если ты не знала. Дички – те, кто не отсюда, – часто этого не знают или им все равно. Но когда ороген рождается у родителей неорогенов, в семье, которая прежде никогда не проявляла признаков проклятия, его называют так. Дичок для прививки моей окультуренной породы. Случайность в моем плане. – Он мотает головой, отчего его голос дрожит. – Главное, что они не могут *предсказать* тебя. Ты доказательство того, что они никогда не поймут орогении. Это не наука, это что-то иное. И они никогда не смогут контролировать нас, на самом-то деле. Полностью – никогда.

Сиен не знает, что и сказать. Она ничего не знала о дичках, о том, что она в чем-то иная – хотя теперь, когда она об этом думает, то вспоминает, что большинство знакомых ей орогенов были выведены в Эпицентре. И да, она замечала, как они на нее поглядывают. Она-то думала, это потому, что они экваториалы, а она северосрединница или потому, что она получила свое первое кольцо раньше них. А теперь, когда он это сказал... быть дичком – это что-то дурное?

Иначе и быть не может. Если проблема в том, что дички непредсказуемы... что же, орогены обязаны доказывать, что являются надежными. Эпицентр должен поддерживать свою репутацию, без этого нельзя. Потому обучение, униформа, бесконечные правила, которым они обязаны следовать, но ведь и селекция входит во все это, иначе зачем она здесь?

Есть что-то лестное в том, что, несмотря на ее статус дичка, от нее действительно хотят ввести что-то в их селекционные линии. Затем ей становится любопытно, почему какая-то часть ее пытается найти ценность в деградации.

Она настолько задумывается, что пугается, когда он с усталым вздохом сдается.

– Ты права, – только и говорит он, теперь очень по-деловому, поскольку да – это единственный путь с этим покончить. И это деловое поведение позволит им сохранить хотя бы какое-то подобие достоинства. – Прости. Ты... ох, ржавь земная. Да. Давай покончим с этим.

И они идут в спальню, он раздевается и ложится, какое-то время пытается сам себя завестись, но получается не очень. В этом проблема секса со старшим, думает Сиен. Хотя на самом деле, вероятно, здесь скорее играет роль тот факт, что секс, как правило, не получается, когда ты его не слишком хочешь. Она с непроницаемым лицом садится рядом и отводит его руки. У него растерянный вид, и она ругается про себя, поскольку, если он так не уверен в себе, это затянется на целый день.

Однако он приходит в себя, как только за дело берется она. Возможно, потому, что он может закрыть глаза и представить, что ее руки принадлежат той, кого он хочет. Она стискивает

зубы и садится сверху, и скачет, пока у нее не начинают ныть бедра, а груди болеть от скачки. Смазка мало помогает. Ощущение от него внутри, как от фаллоимитатора или собственных пальцев. Однако его фантазий, видимо, достаточно, поскольку через какое-то время он издает какой-то сдавленный хнычущий стон, и все кончается.

Она надевает ботинки, когда он вздыхает, садится и смотрит на нее настолько неприветливо, что она испытывает смутный стыд от того, что сделала с ним.

– Как, ты сказала, тебя зовут? – спрашивает он.

– Сиенит.

– Тебя так родители называли? – Когда она отвечает ему злым взглядом, его губы вздрагивают даже не в улыбке. – Прости. Просто завидую.

– Завидуете?

– Я же рожден в Эпицентре, забыла? У меня всегда было только одно имя.

– О.

Он мнетя. Похоже, ему трудно сказать.

– Ты... м-м-м... зови меня...

Она перебивает его, поскольку уже знает его имя и не намерена называть его кроме как *вы*, чего достаточно, чтобы отличать его от лошадей.

– Шпат сказала, что завтра мы едем в Аллию. – Она надевает второй ботинок и встает, чтобы постучать им по полу и надеть как следует.

– Опять миссия? Так сразу? – Он вздыхает. – Мне следовало знать.

Да, следовало.

– Вы мой ментор, и вы мне помогаете убрать коралл из гавани.

– Верно. – Он тоже понимает, что это лажа, а не миссия. Есть лишь одна причина, почему его послали на что-то такое. – Мне вчера дали инструктаж и досье. Наконец-то прочту. Встречаемся на конюшнях в полдень?

– Вы десятиколючник.

Он трет лицо руками. Она ощущает себя немножко виноватой, но совсем чуть-чуть.

– Хорошо. – Он снова говорит деловым тоном. – В полдень.

Она уходит, разбитая и раздраженная тем, что на ней остался его слабый запах, и усталая. Возможно, ее просто вымотал стресс – мысль о том, что придется ехать целый месяц с человеком, которого терпеть не можешь, делать то, чего не хочешь, по поручению людей, которых все больше презираешь.

Но это и означает *цивилизованность* – делать все, что приказывают старшие, ради якобы всеобщего блага. И, похоже, не без выгоды – где-то с год неудобств, ребенок, которого она не будет растить, поскольку его сразу же заберут в ясли, и высокопрофильная миссия, выполненная под руководством влиятельного ментора. С таким опытом и повышением репутации она будет гораздо ближе к пятому кольцу. А это означает собственные апартаменты, никаких соседок по спальне. Лучшие миссии, долгий отпуск, больше личной жизни. Оно того стоит. *Пламя земное*, да, оно того стоит.

Она говорит себе это всю дорогу до комнаты. Там она собирает вещи, прибирается, чтобы вернуться домой к порядку и чистоте, и принимает душ, методично отскребая все участки кожи, пока она не начинает гореть.

* * *

Говорите им, что однажды они станут великими, как мы. Говорите, что они наши, как бы мы с ними ни обращались. Говорите, что они должны заслужить уважение, которое все другие имеют с рождения.

Говорите, что есть стандарт, который им это даст: этот стандарт – обычное совершенство. Убивайте тех, кто насмехается над этим противоречием, и говорите остальным, что мертвые заслужили уничтожение из-за своей слабости и сомнений.

И тогда они в лепешку разобьются, чтобы достичь того, чего никогда не достигнут.

Эррслет, двадцать третий император Санзийского Экваториального Объединения, в тринадцатый год Зимы Зубов

Изречение записано на вечеринке, незадолго до основания Эпицентра.

5

Ты не одна

Наступила ночь, и ты сидишь с подветренной стороны холма в темноте.

Ты так устала. Убийство стольких людей отняло у тебя слишком много сил. Еще хуже то, что ты сделала далеко не столько, сколько могла бы, как только возбудилась. Орошения – странное уравнение. Забираешь движение, теплоту и жизнь из окружающего, усиливаешь путем какого-то необъяснимого процесса сосредоточения, или катализа, или полупредсказуемого шанса, выталкиваешь движение, тепло и жизнь из земли. Сила туда, сила обратно. Однако удержание силы, чтобы *не* превратить водопровод долины в гейзер или землю в обломки, требует усилия, от которого у тебя ноют зубы и болит за глазами. Ты долгое время идешь, чтобы выжечь то, что ты вобрала в себя, но оно все равно горит у тебя под кожей, даже когда твое тело устает и стопы начинают ныть. Ты оружие, предназначенное двигать горы. Простая прогулка не может выветрить этого из тебя.

Но ты все равно идешь, пока не сгущается тьма, потом проходишь еще немного, и вот ты сидишь, скорчившись, одна, на краю старого заброшенного поля. Ты боишься развести костер, хотя холодает. Без огня ты мало что увидишь, но никто не увидит и тебя – одинокую женщину с набитым рюкзаком и единственным ножом для самозащиты. (Ты не беззащитна, но нападающий не поймет этого, пока не станет слишком поздно, да и не хочешь ты никого больше убивать сегодня.) Издали ты видишь темную арку высокой дороги, поднимающуюся над полями, словно издевка. Высокие дороги обычно освещаются электрическими фонарями благодаря Санзе, но тебя не удивляет, что здесь темно – даже если бы не пришло землетрясение с севера, протокол Зимы требует, чтобы все не жизненно важные гидро- и геостанции были отключены. Ты все равно неплохо видишь, несмотря на отсутствие костра или фонарей. Рваные полосы облаков, похожие на вскопанные мотыгой ряды земли в твоём огороде, покрывают небосвод. Их хорошо видно, поскольку на севере что-то подсвечивает облака полосами алого пламени и расписывает тенями. Когда ты смотришь туда, ты видишь на северном горизонте неровную черту гор и отблеск далекого голубовато-серого обелиска, где его нижнее острие проглядывает сквозь облака, но это ничего тебе не говорит. Поблизости выпархивает на охоту что-то вроде колонии нетопырей. Поздновато для них, но, как гласит предание камня, *во время Зимы все меняется*. Все живое делает то, что должно, чтобы подготовиться и выжить.

Источник сияния находится за горами, словно солнце пошло не тем путем и застряло там. Ты знаешь, что вызвало это свечение. Наверняка это потрясающее зрелище – так близко видеть огромный страшный разлом, блюющий огнем в небо, только тебе совсем не *хочется* этого видеть.

Да ты и не увидишь, поскольку идешь на юг. Даже если Джиджа поначалу пошел не в этом направлении, вскоре он свернет на юг после прохода волны с севера. Это единственное разумное решение.

Конечно, человека, забившего насмерть собственного сына, вряд ли можно назвать *разумным*. А женщина, которая нашла этого ребенка и прекратила думать на три дня... хм-м-м, и тебя тоже нельзя. Однако ничего не остается, кроме как следовать за своим безумием.

Ты съедаешь что-то из своего рюкзака – ясельный хлеб с соленой пастой из акабы, банку которой ты засунула сюда в прошлой жизни, целую семью назад. Акаба долго не портится, если открыть банку, но не вечно, так что придется есть ее следующие несколько перекусов, пока не закончится. Это хорошо, поскольку она тебе нравится. Ты пьешь из фляги, которую

заполнила водой несколько миль назад из водокачки в дорожном доме. Там было много людей, несколько десятков, некоторые встали лагерем возле дорожного дома, а некоторые остановились только на короткое время. У всех было выражение лица, которое ты опознала как медленно нарастающую панику. Поскольку все в конце концов начали осознавать, что значит этот толчок и красное зарево, и затянутое облаками небо, и что в такое время остаться за воротами общины в конечном счете означает смертный приговор для всех, кроме горстки тех, кто окажется достаточно жестоким или порочным, чтобы делать то, что должен. Но даже и у них всего лишь шанс на выживание.

Никто из людей в дорожном доме не желал верить тому, что вращалось у них в голове, как ты поняла, оглядевшись и оценив лица, глаза, одежду и угрозу. Никто из них не казался фетишистом выживания или потенциальным вожаком. Ты видела там только обычных людей, некоторые еще были в пыли после того, как выбрались из оползня или обрушившихся домов, у некоторых еще кровоточили наспех перевязанные раны, а то и вообще неперевязанные. Путники, застигнутые катастрофой далеко от дома, уцелевшие, дома которых не уцелели. Ты видишь старика в пижаме, разорванной и испачканной с одного бока, сидящего рядом с юношей, одетым лишь в длинную рубаху и всего в кровоподтеках, у обоих пустые от горя глаза. Ты видишь двух женщин, обнимающих друг друга и раскачивающихся в такт, в попытке утешиться. Ты видишь мужчину, своего ровесника, с виду Стойкость, который неотрывно смотрит на свои большие руки с толстыми пальцами, вероятно, раздумывая, достаточно ли он здоров и молод, чтобы найти себе место где-нибудь.

Это то, к чему вас готовили наставники камнелористики, каким бы трагичным оно ни было. Но в Предании камня не было ничего об отцах, убивающих детей.

Ты опираешься спиной на старый столб, который кто-то вбил в холм. Возможно, остатки изгороди, которая здесь кончалась. Сидишь в задумчивости, сунув руки в карманы и подогнув колени. А затем медленно ты начинаешь осознавать: что что-то изменилось. Не было никакого звука, чтобы встревожить тебя, только ветер, и покалывание, и шорох травы. Никакой запах не подмешивается к тому сернистому, к которому ты уже привыкла. Но что-то есть. Что-то еще. Рядом.

Кто-то.

Ты резко открываешь глаза, и часть твоего сознания проваливается в землю, готовая убивать. Остальная часть застывает, поскольку в футе от тебя, скрестив ноги, сидит на траве и смотрит на тебя маленький мальчик.

Ты не сразу понимаешь, что он такое. Темно. Он темен. Ты думаешь, что он может быть из восточных береговых общин. Но его волосы чуть шевелятся, когда снова вздыхает ветер, и ты понимаешь, что они прямые, как трава вокруг. С западного побережья, значит? Остальные волосы словно... покрыты помадой для волос или чем еще. Нет. Ты мать. Это грязь. Он весь покрыт грязью.

Больше Уке, не такой большой, как Нэссун, стало быть, лет шесть-семь. Ты даже не уверена, что это мальчик, – подтверждение будет позже. Сейчас ты решаешь инстинктивно. Он сидит сгорбившись, что было бы странно для взрослого, но совершенно нормально для ребенка, которому не велели сидеть прямо. Он смотрит на тебя. Ты видишь бледный блеск его глаз.

– Привет, – говорит он. Детский голос, высокий и звонкий. Верный шаг.

– Привет, – в конце концов отвечаешь ты. Много страшилок начинаются с этого, о бандах одичалых неприкаянных детей-людоедов. Но для такого рановато, Зима только началась.

– Откуда ты?

Он пожимает плечами. Не то не знает, не то все равно.

– Как тебя зовут? Я Хоа.

Странное короткое имя. Но мир – большое странное место. Более странно, что он называет только имя. Он достаточно мал, чтобы не иметь общинного имени, но он должен был унаследовать отцовскую функционал-касту.

– Только Хоа?

– М-м-м-м-м. – Он кивает, поворачивается и кладет на землю какой-то сверток, поглаживая его, словно чтобы удостовериться, что он в безопасности. – Мне можно спать здесь?

Ты оглядываешься вокруг, сэссишь вокруг, слушаешь. Ничего не движется, кроме травы, никого вокруг, кроме мальчика. Это не объясняет, как он совершенно неслышно подобрался к тебе – но он маленький, а ты по своему опыту знаешь, что маленькие дети могут быть очень незаметны, когда хотят. Правда, обычно это означает, что они что-то замыслили.

– С тобой есть еще кто-нибудь, Хоа?

– Никого.

Слишком темно, чтобы он увидел, как сузились твои глаза, но он реагирует, подавшись вперед.

– Правда! Здесь только я. Я видел других людей на дороге, но они мне не понравились. Я прятался от них. – Пауза. – А ты мне понравилась.

Мило.

Вздыхнув, ты засовываешь руки в карманы и выходишь из земной готовности. Мальчик чуть расслабляется – ты это замечаешь – и начинает укладываться на голой земле.

– Подожди, – говоришь ты и лезешь в рюкзак. Бросаешь ему спальный мешок. Он ловит его и несколько мгновений в растерянности на него смотрит. Затем понимает. Радостно раскатывает его и сворачивается поверх, как котенок. Ты не поправляешь его.

Может, он врёт. Может, он угроза. Утром ты расстанешься с ним, поскольку тебе не нужно, чтобы за тобой тащился ребенок. Он замедлит твоё продвижение. Найдется кому за ним присмотреть. Какой-нибудь матери, не потерявшей ребенка.

Но сегодня ты можешь заставить себя побыть некоторое время человеческой. Ты снова приваливаешься спиной к столбу и закрываешь глаза, чтобы поспать.

Потуру начинает падать пепел.

* * *

Есть загадочная вещь, понимаешь ли, алхимическая. Как орогения, если бы орогения могла манипулировать бесконечно малой структурой материи, а не двигать горы. Очевидно, они имеют какое-то родство с людьми, которое они предпочитают выражать статуеподобным обликом, которое мы так часто видим, но из этого следует, что они могут принимать и другие облики. Этого мы никогда не узнаем.

*Умбл Инноватор Аллия «Трактат о разумных нелюдях», Шестой университет,
2323 год Империи/2-й год Кислотной Зимы.*

6

Дамайя, жесткая обдирка

Первые несколько дней дороги с Шаффой прошли без приключений. Скучно не было. Были скучные моменты, когда имперский тракт, вдоль которого они ехали, шел по бесконечным полям кирги или самишета или когда поля сменялись мрачным лесом, таким тихим и так близко подступающим, что Дамайя едва осмеливается говорить, чтобы не рассердить деревья. (В сказках деревья всегда сердитые.) Но даже это ново, поскольку Дамайя никогда не покидала границ Палелы, даже в Бревард с отцом и Чагой в базарный день не выезжала. Она пытается не казаться полной деревенщиной и не пялиться, разинув рот, на каждую странную вещь, которую они проезжают, но порой ничего не может с собой сделать, даже если чувствует, что Шаффа хихикает у нее за спиной. Она не может заставить себя думать, что он смеется над ней.

Бревард тесный, узкий и высокий, она ничего такого прежде не видела, потому съезживается в седле, когда они туда въезжают, смотрит на нависающие с обеих сторон улицы дома и удивляется, как они не падают на прохожих. Кажется, что больше никто не замечает, что эти дома неуклюже высоки и так плотно набиты рядом друг с другом, что это наверняка сделано нарочно. Вокруг каждого толкуются десятки людей, хотя солнце уже село и, как она знает, все должны готовиться ко сну.

Только никто не шел спать. Они проезжают один дом, такой яркий от масляных светильников и такой гремющий от смеха, что ею овладевает нестерпимое любопытство, и она спрашивает, что это за место.

– Что-то вроде гостиницы, – отвечает Шаффа, затем хмыкает. Будто она задала вопрос, который был у него на уме. – Но мы тут не остановимся.

– Тут действительно шумно, – соглашается она, стараясь казаться сообразительной.

– Хм-м, да, и это тоже. Но гораздо большая проблема в том, что это не место для детей. – Она ждет, но он не объясняет. – Мы поедем туда, где я уже несколько раз останавливался. Там приличная еда, чистые постели, и наши пожитки, скорее всего, не стянут до утра.

Итак, Дамайя проводит свою первую ночь в гостинице. Она ошеломлена: есть в комнате, полной чужих людей, еду, которая по вкусу отличается от той, что готовили родители или Чага, купаться в большой керамической ванне, под которой горит огонь, а не в промасленной бочке на кухне, наполовину налитой холодной водой, спать в кровати, которая больше, чем ее и Чаги, вместе взятые. Кровать Шаффы еще больше – так и должно быть, потому что он большой, но она все равно таращится на нее с открытым ртом, пока он волочит ее, чтобы подпереть дверь комнаты. (Это хотя бы привычно – отец порой тоже так поступал, когда появлялись слухи о неприкайнных на дороге или в окрестностях города.) Наверное, он заплатил сверх положенного за более широкую постель.

– Я сплю, как землетрясение, – говорит он улыбаясь, словно это какая-то шутка. – Если кровать слишком узкая, я скатываюсь на пол.

Она понятия не имеет, о чем он, пока не просыпается среди ночи и не слышит стонов Шаффы и не видит, как он мечется во сне. Какой-то ужасный кошмар снится ему, и она даже думает, не встать ли и не разбудить ли его. Она ненавидит кошмары. Но Шаффа взрослый, а взрослым надо спать – так всегда говорил ее отец, когда они с Чагой делали что-то такое, что будило его. Отец тогда бывал еще и очень зол, а она не хочет, чтобы Шаффа злился на нее. Он единственный во всем мире, кому она небезразлична. Потому она лежит, встревоженная, не зная, что делать, пока он не кричит что-то непонятное и кажется, будто он умирает.

– Ты спишь? – Она говорит это совсем тихо, потому что он явно спит, но как только она заговаривает, он просыпается.

– Что там? – хрипло говорит он.

– Ты... – Она не знает толком, что сказать. *У тебя были кошмары* – так сказала бы ей мать. Но говорят ли такое большим сильным взрослым вроде Шаффы? – Ты шумел, – заканчивает она.

– Храпел? – Он глубоко, устало вздыхает в темноте. – Извини. – Затем он засыпает и большую часть ночи не издает ни звука.

Утром Дамайя забывает о том, что случилось, по крайней мере на некоторое время. Они встают и едят еду, оставленную у их дверей в корзинке, а остальное забирают с собой, снова отправляясь по дороге в Юменес. В рассветный час Бревард кажется не таким пугающим и чужим, возможно, потому, что она видит кучки конского навоза в сточных канавах, и мальчишек с удочками, и грузчиков, которые, позевывая, ворочают ящики и тюки. Молодые женщины везут на тележках ведра с водой в местную баню для нагрева, а молодые мужчины, раздетые до пояса, калят масло и бросают в него рис под навесами за большими зданиями. Все это знакомо, и все помогает воспринимать Бревард как увеличенную версию маленького городка. Люди здесь не отличаются от Ба или Чаги, а для местных Бревард, наверное, такой же знакомый и скучный, как для нее Палела.

Они едут полдня и останавливаются отдохнуть, потом едут до конца дня, пока Бревард не остается позади, а вокруг на много миль не остается ничего, кроме каменистой, изуродованной, рваной земли. Где-то поблизости находится активный разлом, говорит Шаффа, который десятилетиями извергает новую землю, потому в таких местах земля такая *вздыбленная* и голая.

– Этих скал десять лет назад не было, – говорит он, показывая на огромное нагромождение серо-зеленых камней, которые кажутся острыми и почему-то сырыми. – Но потом случилось землетрясение – девять баллов. Или так я слышал – я был на объезде в другом квартенте. Но глядя на них, я могу поверить.

Дамайя кивает. Старик Отец-Земля здесь действительно ощущается ближе, чем в Палеле – нет, не *ближе*, это не то слово, но она не знает, какое слово тут будет лучше. Легче прикоснуться, возможно, если бы ей пришлось это делать. И... вся земля вокруг них ощущается... какой-то хрупкой. Как яичная скорлупа с едва заметными трещинами, которые все равно сулят неминуемую смерть цыпленку.

Шаффа чуть трогает ее ногой.

– Не делай этого.

Дамайя, испугавшись, и не думает лгать.

– Я ничего не делаю!

– Ты слушала землю. Это не ничего.

Откуда Шаффе знать? Она чуть сутулится в седле, думая, не извиниться ли ей. Она кладет руки на луку седла, не зная, куда их девать, что неудобно, поскольку седло такое большое, как все, что принадлежит Шаффе. (Кроме нее.) Но ей надо *чем-то* отвлечься, чтобы не начать слушать снова. Через мгновение Шаффа вздыхает.

– Вряд ли мне следовало чего-то ожидать, – говорит он, и разочарование в его голосе мгновенно пугает ее. – Это не твоя вина. Без обучения ты как... сухой трут, и только что мы проехали мимо ревущего огня, разбрасывающего искры. – Он вроде бы задумывается. – Хочешь, расскажу одну историю?

История – это замечательно. Она кивает, пытаясь скрыть заинтересованность.

– Хорошо, – говорит Шаффа. – Ты слышала о Шемшене?

– О ком?

Он качает головой.

– Лава земная, эти срединные общины! Вас там вообще в школе чему-то учат? Полагаю, только преданию да счету, да и тому лишь, чтобы понять, когда сажать, да?

– На другое времени нет, – говорит Дамайя, ощущая странное стремление защитить Палелу. – Может, в экваториальных общинах детям и не приходится помогать взрослым с урожаем...

– Знаю, знаю. Но все равно позор. – Он поудобнее устраивается в седле. – Ладно, я не камнелорист, но я расскажу тебе о Шемшене. Давным-давно, во время Зимы Зубов, это... хм-м-м... третья Зима после основания Санзе, где-то двенадцать сотен лет назад, некий ороген по имени Мисалем решил убить императора. Это было еще в те времена, когда император, представь себе, что-то делал, задолго до основания Эпицентра. У большинства орогенов не было в те дни должной подготовки, они, как и ты, действовали под влиянием эмоций и инстинктов и в редких случаях переживали детский возраст. Мисалем как-то умудрился не просто выжить, а еще и самостоятельно обучиться. У него был превосходный контроль, возможно, как у четырех- или пятиколечников...

– Как?

Он снова толкает ее ногой.

– Это ранги, которые используются в Эпицентре. Не перебивай.

Дамайя краснеет и подчиняется.

– Превосходный контроль, – продолжает Шаффа, – который Мисалем незамедлительно использовал для уничтожения всего живого в нескольких малых и больших городах, и даже в нескольких поселениях неприкаянных. Всего несколько тысяч человек.

Дамайя беззвучно ахает от ужаса. Ей никогда не приходило в голову, что рогги – она спохватывается. Она. Она сама *рогга*. Ей тут же становится противным это слово, которое она слышала почти всю жизнь. Это плохое слово, которое она не должна была произносить, хотя взрослые бросаются им направо и налево, но внезапно оно становится куда омерзительнее, чем было.

Значит, орогены. Ужасно знать, что орогены могут запросто убить столько людей. За это, догадывается она, их люди и ненавидят.

Ее. За это люди ненавидят *ее*.

– Зачем он это сделал? – спрашивает она, забывая, что не должна перебивать.

– Действительно, зачем? Наверное, потому, что был немного безумен. – Шаффа наклоняется так, чтобы она могла видеть его лицо, сводит к носу глаза и двигает бровями. Это так неожиданно смешно, что Дамайя прыскает, и Шаффа заговорщически улыбается ей. – Или Мисалем был просто злым. Как бы то ни было, он пошел к Юменесу, послав весть, что уничтожит весь город, если люди не отправят к нему навстречу императора, которого он убьет. Люди были в печали, когда император заявил, что согласен на условия Мисалема, но и вздохнули облегченно – а что еще им было делать? Они не знали, как сражаться с орогеном такой силы. – Он вздыхает. – Но император пришел не один – с ним была женщина. Его телохранительница, Шемшена.

Дамайя тихонько пищит от восторга.

– Наверное, она была действительно лучшая, раз стала телохранительницей императора!

– О, да, она была прославленным бойцом лучшей крови санзе. Более того, она была из функционал-касты Инноваторов, потому изучала орогенов и знала кое-что о том, как работает их сила. Перед прибытием Мисалема она велела всем жителям Юменеса покинуть город. С собой они забрали весь скот и весь урожай. Они даже вырубили и сожгли все деревья и кустарники, сожгли дома, а затем залили огонь, чтобы остались только мокрые угли. Понимаешь ли, такова природа твоей силы – кинетическая передача, сэсунальный катализ. Одной волей горы не сдвинешь.

– Что такое...

– Нет-нет. – Шаффа ласково перебивает ее. – Я многому должен тебя научить, малышка, но вот этому тебя будут учить в Эпицентре. Позволь мне закончить.

Дамайя неохотно подчиняется.

– Скажу так. Часть силы, необходимой тебе, когда ты научишься владеть собой как подобает, берется изнутри тебя. – Шаффа касается ее затылка, как тогда, в амбаре, двумя пальцами прямо над линией роста ее волос, и она чуть подпрыгивает, поскольку при этом словно проскакивает искра, как при электрическом разряде. – Большая часть, однако, должна браться откуда-то извне. Если земля уже движется или если есть огонь, выходящий на поверхность или близко к ней, ты можешь использовать эту силу. Ты *предназначена* для использования этой силы. Когда Отец-Земля шевелится, он выпускает столько дикой силы, что, если взять ее, это не повредит ни тебе, ни кому-то еще.

– И воздух не становится холодным? – Дамайя из всех сил старается быть вежливой, сдерживать свое любопытство, но история такая увлекательная! И мысль использовать орогению безопасно, чтобы не причинять вреда, так заманчива! – И никто не умирает?

Она чувствует, как он кивает.

– Когда ты используешь силу земли – нет. Но, конечно, Отец-Земля не шевелится по чужому хотению. Когда поблизости нет земной силы, ороген может все же заставить землю шевелиться, но только если возьмет необходимое тепло, силу и движение из окружающих его предметов. Из всего, что движется или источает тепло – походные костры, вода, воздух, даже камни. И, конечно, из живых существ. Шемшена не могла убрать воздух или камни, но могла – и убрала – все остальное. Когда они с императором встретились с Мисалем у обсидиановых врат Юменеса, они были единственными живыми существами в городе, а от города остались одни стены.

Дамайя восторженно втягивает воздух, пытаясь представить Палелу пустой, без единого кустика или козленка, но это было выше ее сил.

– И все просто... ушли? Потому, что она сказала?

– Ну, вообще-то император приказал, но да. Юменес в те дни был куда меньше, но все равно это было большое дело. Но либо так, либо позволить чудовищу взять всех в заложники. – Шаффа пожимает плечами. – Мисалем утверждал, что не хочет сам стать императором, но кто бы в это поверил? Человек, который угрожает городу, чтобы получить то, что хочет, ни перед чем не остановится.

Это имело смысл.

– А он не знал, что сделала Шемшена, прежде чем добрался до Юменеса?

– Нет. Все было сожжено до его прибытия, люди ушли в другом направлении. Так что, когда Мисалем встретился с императором и Шемшеной, он потянулся за силой, чтобы уничтожить город, – и почти ничего не нашел. Нет силы – город не уничтожить. И пока Мисалем барахтался, пытаясь вытянуть то небольшое тепло, что было в воздухе и земле, Шемшена вонзила стеклянный кинжал в торус его силы. Это не убило его, но отвлекло достаточно, чтобы разрушить его орогению, а с остальным Шемшена разделалась своим вторым кинжалом. Так было покончено с величайшей угрозой Древней империи Санзе – вернее, *Экваториального объединения Санзе*.

Дамайя дрожит от восторга. Она давно не слышала такой прекрасной сказки. Но ведь это правда. Это даже лучше! Она робко улыбается Шаффе.

– Мне понравилась эта сказка.

К тому же он отличный рассказчик. У него такой низкий бархатный голос. Она прямо-таки видела все это, пока он рассказывал.

– Я так и думал, что тебе может понравиться. Так, понимаешь ли, и появились Стражи. Как Эпицентр является орденом орогенов, так мы – орден, который *наблюдает* за Эпицентром.

Поскольку мы знаем, как и Шемшена, что при всей своей чудовищной силе вы не неуязвимы. Вас можно победить.

Он гладит руку Дамайи, лежащую на луке седла, и она уже не ежится, но и сказка ей уже не так нравится. Пока он ее рассказывал, она воображала себя Шемшеной, отважно выступающей против ужасного врага и побеждающей его при помощи хитрости и искусства. Но с каждым шаффиным *вы* и *вас* она начинает понимать: он видит в ней не будущую Шемшену.

– И потому мы, Стражи, обучаемся, – продолжает он, возможно, не замечая, как притихла она. Теперь они в самом сердце расколотой земли. Острые, зазубренные скалы, высокие, как дома в Бреварде, обрамляют дорогу по обе стороны, насколько видит глаз. Кто бы ни строил эту дорогу, ему пришлось вырезать ее из самой земли.

– Мы обучаемся, – продолжает он, – как делала Шемшена. Мы изучаем, как работает сила орогении, и ищем способы обратить это знание против вас. Мы высматриваем среди вас тех, кто может стать будущими Мисалемами, и уничтожаем их. Остальных мы опекаем. – Он снова наклоняется, чтобы улыбнуться ей, но на сей раз Дамайя в ответ не улыбается. – Теперь я твой Страж, и мой долг сделать так, чтобы ты была полезна, но не опасна.

Когда он выпрямляется и замолкает, Дамайя не просит его рассказать еще сказку, как могла бы. Ей больше не нравится то, что он рассказал. И внезапно она каким-то образом понимает – он и не *хотел*, чтобы сказка ей понравилась.

Молчание продолжается и тогда, когда рваная земля потихоньку выравнивается, затем переходит в зеленые покатые холмы. Здесь ничего нет – ни ферм, ни пастбищ, ни лесов, ни городков. Судя по некоторым признакам, люди тут когда-то жили – она видит вдалеке поросшие мхом развалины чего-то вроде силосной башни, если они бывают размером с гору. И другие строения, слишком правильные и зазубренные, чтобы быть природными, слишком развалившиеся и странные, чтобы узнать. Руины, понимает она. Руины какого-то города, погибшего много-много Зим назад, потому от него так мало и осталось. А за руинами смутно виднеющийся на фоне затянутого облаками неба мерцает, медленно вращаясь, обелиск цвета грозовой тучи.

Санзе – единственное государство, которое пережило Пятое время года невредимым, причем не один раз, а целых семь. Она учила это в яслях. Семь веков, в течение которых земля где-то трескалась и извергала пепел или смертельный газ, что приводило к бессолнечной Зиме, которая тянулась годами или десятилетиями, а не несколько месяцев. Отдельные общины часто переживали Зимы, если были готовы. Если им везло. Дамайя знает предание камня, которое преподают всем детям, даже в такой дыре, как Палела. *В первую очередь охраняй ворота.* Держи хранилища чистыми и сухими. Повинуйся преданию, делай жестокий выбор, и, возможно, когда закончится Зима, останутся те, кто будут помнить, что такое цивилизация.

Но только раз в известной истории выжило целое государство – много сотрудничающих общин. Даже расцветали вновь и вновь, становясь все сильнее и крупнее с каждым катаклизмом. Поскольку люди санзе сильнее и умнее всех.

Глядя на далекий, мерцающий обелиск, Дамайя думает: *Даже умнее тех, кто его создал?*

Наверняка. Санзе все еще здесь, а обелиск – лишь очередной осколок какой-то мертвой цивилизации.

– Ты примолкла, – через некоторое время говорит Шаффа, поглаживая ее руку на луке седла, чтобы пробудить ее от задумчивости. Его ладонь более чем в два раза больше, чем у нее, теплая и утешительная в своей огромности. – Все обдумываешь сказку?

Она пытается сказать «нет», но, конечно, она думала о сказке.

– Немного.

– Тебе не нравится, что в этой сказке злодей – Мисалем. Что ты сама как Мисалем – потенциальная угроза, только у тебя нет Шемшены, чтобы контролировать тебя.

Он говорит это сухо. Это не вопрос.

Дамайя ежится. Как это ему всегда удастся знать, о чем она думает?

– Я не хочу быть угрозой, – тихонько пищит она. Затем, в порыве отваги, добавляет: – Но я не хочу... чтобы меня контролировали. Я хочу быть... – Она ищет слова, затем вспоминает, что ее брат говорил о том, что такое быть взрослым. – *Ответственной*. Сама.

– Прекрасное желание, – говорил Шаффа. – Но простой факт в том, Дамайя, что ты *не можешь* контролировать себя. Это не в твоей природе. Ты молния, опасная, если ее не загнать в провода. Ты пламя – да, ты теплый свет в холодной темной ночи, но также и пожар, уничтожающий все на твоём пути...

– Я никого не уничтожу! Я не такая плохая!

Внезапно все это становится слишком. Дамайя пытается обернуться и посмотреть на него, хотя от этого она теряет равновесие и соскальзывает с седла. Шаффа тут же твердо поднимает ее и усаживает лицом вперед, что без слов говорит: *сиди как положено*. Дамайя от расстройства еще крепче вцепляется в луку седла. А потом, поскольку она усталая и сердитая, и попа у нее болит от трех дней в седле, и поскольку у нее вся жизнь пошла колесом, и поскольку ее осеняет, что она никогда снова не будет нормальной, она говорит больше, чем хотела.

– В любом случае ты мне не нужен, чтобы меня контролировать. Я сама могу!

Шаффа натягивает повод. Лошадь, всхрапнув, останавливается.

Дамайя цепенеет от ужаса. Она нагубила ему! Дома мать всегда давала ей за такое подзатыльник. Шаффа сейчас побьет ее? Но он говорит так же ласково, как и всегда:

– Правда можешь?

– Что?

– Контролировать себя. Это важный вопрос. *Самый* важный. Можешь?

– Я... я не... – пищит Дамайя.

Шаффа кладет ладони ей на руки, сложенные на луке седла. Думая, что он хочет спрыгнуть с седла, она пытается их убрать, чтобы он мог схватиться. Он стискивает ее правую руку и удерживает ее на месте, хотя отпускает левую.

– Скажи, как тебя обнаружили?

Она понимает, о чем он, даже не задавая вопросов.

– На ланче. Я... Мальчик толкнул меня.

– Это было больно? Ты испугалась, разозлилась?

Она пытается вспомнить. Этот день во дворе кажется таким далеким.

– Разозлилась. – Но ведь это не все? Заб был больше нее. Он всегда *задира*л ее. И когда он ее толкнул, было больно, пускай и чуть-чуть. – Испугалась.

– Да. Орогения действует инстинктивно. Ее порождает необходимость выжить в момент смертельной опасности. В этом беда. Страх перед обидчиком, страх перед вулканом – сила, что живет в тебе, все равно. Она не осознает *степени* угрозы.

По мере того как Шаффа говорит, его рука делается все тяжелее, давит все сильнее.

– Твоя сила защищает тебя одинаково, вне зависимости от масштаба угрозы. Пойми, Дамайя, как тебе повезло – ороген, как правило, открывается, убив члена семьи или друга. В конце концов, именно те, кого мы больше всего любим, ранят нас всего сильнее.

Он расстроен, думает поначалу она. Может, он думает о чем-то ужасном, о том, что заставляет его метаться и стонать среди ночи? Может, кто-то убил члена его семьи или друга? Вот потому он так сильно давит ей на руку?

– Ш... Шаффа. – Она внезапно пугается. Она не понимает почему.

– Ш-ш-ш-ш... – говорит он и расправляет пальцы, сплетая их с ее собственными. Затем он давит сильнее, так, что нажим приходится на кости ее ладони. Он делает это нарочно.

– Шаффа! – Это больно. Он *знает*, что это больно. Но он не останавливается.

– Тихо, тихо, успокойся, малышка. Ну, ну.

Когда Дамайя скулит и пытается вырваться – это *больно*, это продолжающееся размалывающее давление его руки, жесткий холодный металл луки, собственные кости, пронзающие ее плоть – Шаффа вздыхает и обнимает ее другой рукой за талию. – Спокойно. Будь отважной. Я собираюсь сломать тебе руку.

– Что...

Шаффа делает что-то, что заставляет его бедра напрячься от усилия, а его грудная клетка толкает ее вперед, но она едва ли это замечает. Все ее сознание сосредоточено на ее руке, на его руке, на тошнотворном влажном щелчке, и толчке того, что прежде никогда не сдвигалось с места, на боли такой острой, внезапной и сильной, что она *вопит*. Она царапает его руку свободной рукой, отчаянно, бессмысленно. Он отбрасывает ее руку прочь и прижимает к ее бедру, так что она царапает себя.

И сквозь боль она вдруг осознает холодное, ободряющее спокойствие камня под копытами лошади.

Давление ослабевает. Шаффа поднимает ее сломанную руку так, чтобы она могла видеть повреждения. Она продолжает кричать теперь от ужаса при виде *собственной* руки, изогнутой так, как не должно быть, кожи, взбугрившейся и покрасневшей в трех местах, как второй набор костяшек, пальцев, уже сведенных спазмом.

Камень манит. Глубоко внутри него тепло и сила, которые могут помочь ей забыть о боли. Она почти тянется к этому обещанию освобождения. Затем медлит.

Ты можешь контролировать себя?

– Ты могла бы убить меня, – говорит Шаффа ей в ухо, и, несмотря на все, она замолкает, чтобы слышать его. – Дотянуться до огня в земле или вытянуть силу из всего, что вокруг тебя. Я сижу в пределах твоего турса. – Для нее это ничего не значит. – Это плохое место для орогении, с учетом того, что ты еще не обучена – одна ошибка, и ты сдвинешь разлом под нами и устроишь землетрясение. Это может убить и тебя тоже. Но если бы тебе удалось выжить, ты была бы свободна. Нашла бы какую-нибудь общину, упростила бы принять тебя или присоединиться к стае неприкаянных и жить как можешь. Ты могла бы скрывать свою суть, если будешь умной. Некоторое время. Это не может длиться долго, это будет иллюзией, но какое-то время ты будешь чувствовать себя нормальной. И я знаю, что ты больше всего хочешь именно этого.

Дамайя почти не слушает его. Боль пульсирует в ее руке, ее плече, в зубах, затуманивая все чувства. Когда он перестает говорить, она стонет и снова пытается вырваться. Его пальцы предупреждающе напрягаются, и она мгновенно замирает.

– Очень хорошо, – говорит он. – Ты контролировала себя, невзирая на боль. Большинство молодых орогенов неспособны на такое без обучения. Теперь будет настоящее испытание. – Он охватывает ее маленькую ладонь своей большой. Дамайя съеживается, но прикосновение его ласково. Пока. – Похоже, твоя рука сломана минимум в трех местах. Если ее положить в лубок и ухаживать, то, возможно, рука заживет без последствий. Однако, если я ее сломаю...

Она не может дышать. Страх забивает легкие. Она выдавливает из себя остатки воздуха единственным словом:

– Нет!

– *Никогда не говори мне «нет»*, – говорит он. Слова жгут ей кожу. Он наклоняется, чтобы прошептать их ей прямо в ухо. – Орогены не имеют права говорить «нет». Я твой Страж. Я сломаю каждую кость в твоей руке, каждую кость в твоём теле, если решу, что это необходимо для того, чтобы обезопасить мир от тебя.

Он не ломает ее руку. Почему? Не ломает. Пока она молча дрожит, он проводит большим пальцем по вспухшим узлам, которые уже начали формироваться на тыльной стороне ее руки. В этом его жесте есть нечто *созерцательное*, нечто *любопытствующее*. Дамайя не может смотреть. Она закрывает глаза, и слезы текут из-под ее ресниц. Ее тошнит, ей холодно. В ушах шумит кровь.

– П... почему? – судорожно выговаривает она. Дышать приходится с усилием. Кажется невозможным, что все это случилось на дороге, непонятно где, в солнечный тихий полдень. Она не понимает. Ее семья показала ей, что любовь – это ложь. Она не подобна камню, она гнется и крошится, как ржавый металл. Но ей казалось, что Шаффе она *нравится*.

Шаффа гладит ее сломанную руку.

– Я люблю тебя, – говорит он.

Она дергается, и он успокаивает ее тихим шепотом в ухо, пока его большой палец поглаживает руку, которую он сам сломал.

– Никогда не сомневайся в этом, малышка. Бедняжка, запертая в амбаре, так боящаяся себя самое, что не могла даже говорить. И все же в тебе есть пламя разума вместе с пламенем земли, и я не могу не восхищаться обоими, каким бы страшным ни было последнее. – Он качает головой и вздыхает. – Очень не хочется это делать с тобой. Мне ненавистно, что это необходимо. Но пойми, пожалуйста – я делаю тебе больно, чтобы ты не сделала больно больше никому.

Ее рука *горит*. Ее сердце тяжело бьется, и с каждым ударом пульсирует боль, БОЛЬ боль, БОЛЬ боль, БОЛЬ боль. Как было бы хорошо унять эту боль, шепчет камень внизу. Однако это означало бы убить Шаффу – единственного в этом мире, кто любит ее.

Шаффа кивает, словно своим мыслям.

– Знай, Дамайя, я никогда не солгу тебе. Загляни под свою руку, Дамайя.

Дамайя через силу открывает глаза. Сто лет требуется, чтобы убрать ее другую руку. И когда она это делает, она видит, что в свободной руке он держит длинный, сходящийся на конус кинжал из черного стекла. Острие касается ткани ее рубашки, прямо под грудной клеткой. Он направлен ей в сердце.

– Одно дело – подавить рефлекс. И совсем другое – справиться с сознательным, нарочитым желанием убить другого ради самозащиты или чего еще. – Словно чтобы обозначить это желание, Шаффа колет ее в бок стеклянным ножом. Он достаточно остр, чтобы укусить даже сквозь одежду. – Но, кажется, ты умеешь, как и говорила, контролировать себя.

С этими словами Шаффа отводит кинжал, умело вертит его в пальцах и не глядя засовывает за пояс. Затем он берет ее сломанную руку обеими руками.

– Держись.

Она не может, поскольку не понимает, что делать. Ее слишком сбивает с толку дихотомия его ласковых слов и жестоких действий. Затем она снова кричит, когда Шаффа начинает методично вправлять кости ее руки. Это длится всего несколько секунд. Но кажется, что это длится гораздо дольше.

Когда она отбивается от него, в полуобмороке, трясущаяся, слабая, Шаффа снова пускает лошадь вперед, на этот раз короткой рысью. Дамайя уже не ощущает боли, едва замечая, что Шаффа придерживает ее поврежденную руку своей собственной, на сей раз прижимая ее к ее телу, чтобы уменьшить риск случайных толчков. Она не удивляется этому. Она ни о чем не думает, ничего не делает, ничего не говорит. В ней ничего не осталось, чтобы об этом сказать.

Зеленые холмы остаются позади, местность снова становится ровной. Она не обращает на это внимания, просто смотрит на небо и на этот далекий дымчато-серый обелиск, который, кажется, не поменял положения, хотя они проехали уже столько миль. Вокруг него небо становится синее и начинает наливаться чернотой, пока обелиск не превращается в темное пятно на фоне загорающихся звезд. Наконец, когда солнечный свет угасает, Шаффа направляет лошадь с дороги и спешивается, чтобы разбить маленький лагерь. Он снимает Дамайю с седла и опускает на землю, и она стоит там, где он ее поставил, пока он расчищает участок и ногой сдвигает маленькие камни в круг, чтобы разжечь костер. Дров тут нет, но он вынимает из седельных сумок несколько кусков чего-то и разжигает огонь. Судя по запаху, это уголь или сушеный торф. Вообще-то ей все равно. Она просто стоит, пока он снимает с лошади седло и чистит

животное, раскатывает спальные мешки и ставит на огонь маленький котелок. Запах готовящейся еды вскоре перекрывает маслянистую вонь костра.

– Я хочу домой, – выдает Дамайя. Она по-прежнему прижимает руку к груди.

Шаффа на мгновение отрывается от приготовления ужина, поднимает на нее взгляд. В мерцании костра его льдистые глаза словно пляшут.

– У тебя больше нет дома, Дамайя. Но скоро будет. В Юменесе. Там у тебя будут учителя и друзья. Целая новая жизнь.

Он улыбается.

Ее рука почти онемела после того, как он вправил кости, но осталась тупая, пульсирующая боль. Она закрывает глаза, желая, чтобы она ушла. Чтобы все ушло. Боль. Рука. Мир. Мимо проплывает запах чего-то вкусного, но у нее нет аппетита.

– Я не хочу новой жизни.

На мгновение ей отвечает тишина, затем Шаффа вздыхает и встает, подходит к ней. Она пятится, но он опускается перед ней на колени и кладет ей руки на плечи.

– Ты боишься меня? – спрашивает он.

На какое-то мгновение в ней возникает желание солгать ему. Она думает, что ему не понравится, если она скажет правду. Но ей слишком больно, она слишком отупела сейчас, чтобы бояться, лицемерить или льстить. Потому она говорит правду.

– Да.

– Хорошо. Так и надо. Я не сожалею, что причинил тебе боль, поскольку тебе нужен был урок боли. Что ты понимаешь обо мне теперь?

Она качает головой. Затем она заставляет себя ответить, ибо смысл именно в этом.

– Я должна делать, что мне скажут, или ты сделаешь мне больно.

– И?

Она крепче закрывает глаза. Во сне это прогоняет злых существ.

– И, – добавляет она, – ты сделаешь мне больно, даже если я послушаюсь. Если будешь считать, что так надо.

– Да. – Она почти слышит его улыбку. Он отводит от ее щеки выбившуюся прядку, проводя тыльной стороной пальцев по ее коже. – То, что я делаю, Дамайя, не случайно. Это все связано с контролем. Не давай мне причины сомневаться в тебе, и я никогда больше не сделаю тебе больно. Ты поняла?

Она *не хочет* слышать его слов, но вопреки себе слышит. И вопреки себе какая-то часть ее чуть успокаивается. Но она не отвечает, так что он говорит:

– Посмотри на меня.

Дамайя открывает глаза. На фоне костра его голова – темный силуэт, обрамленный еще более темными волосами. Она отворачивается.

Он берет ее лицо и твердо поворачивает к себе.

– Ты поняла?

Конечно, это предупреждение.

– Да, – говорит она.

Удовлетворенный, он отпускает ее. Затем подводит к костру и жестом велит сесть на камень, который он подкатил для нее. Она садится. Когда он дает ей металлическую миску с чечевичной похлебкой, она ест – неуклюже, поскольку она не левша. Она пьет из фляги, которую он ей протягивает. Ей надо пописать, но это трудно, она спотыкается на неровной земле, в темноте, вдалеке от костра, отчего ее рука начинает ныть, но она справляется. Поскольку спальный мешок только один, она ложится рядом с ним, когда он похлопывает по нему рукой, указывая, где ей лечь. Когда он велит ей спать, она закрывает глаза – но уснуть не может долго.

Однако когда она засыпает, ее сны полны острой боли и вздымающейся земли, и огромной дыры, полной белого света, которая пытается проглотить ее, и кажется, и минуты не про-

шло, как Шаффа ее будит. Еще середина ночи, хотя звезды изменили положение. В первое мгновение она не вспоминает, что он сломал ей руку, и, не задумываясь, улыбается ему. Он моргает, затем отвечает ей искренней улыбкой.

– Ты беспокойно спала, – говорит он.

Она облизывает губы, уже не улыбаясь, поскольку она вспомнила и поскольку не хочет рассказывать ему, насколько напугали ее кошмары. Или пробуждение.

– Я храпела? – спрашивает она. – Мой брат говорит, что я сильно храплю.

Какое-то мгновение он молча смотрит на нее, улыбка его исчезает. Ей начинают не нравиться эти краткие мгновения молчания. Это не просто паузы в разговоре или моменты, когда он собирается с мыслями. Это испытания, хотя она не понимает, на что. Он всегда испытывает ее.

– Храпела, – говорит он наконец. – Да. Не беспокойся. Я не буду тебя за это дразнить, как твой брат.

Шаффа улыбается, как будто это должно быть смешно. Брат, которого у нее больше нет. Кошмары, которые поглотили ее жизнь.

Но он остается единственным человеком, которого она может любить, так что она кивает и снова закрывает глаза, расслабляясь у него под боком.

– Спокойной ночи, Шаффа.

– Спокойной ночи, малышка. Пусть твой сон будет всегда спокойным.

* * *

КИПЯЩАЯ ЗИМА: 1842–1845 по имперскому летоисчислению. Взорвалась горячая точка под озером Теккарис, выбросив в воздух достаточно пара и твердых частиц, чтобы вызвать кислотные дожди и затемнение над всей территорией Южного Срединья, Антарктики и общинами Восточного Побережья. Экваториали и северные широты не пострадали благодаря господствующим ветрам и океанским течениям, так что историки спорят, считать ли этот период «истинной» Зимой.

Зимы Санзе, учебное пособие для детей 12 лет

7

Ты плюс один равно два

Утром ты встаешь и пускаешься в путь, и мальчик с тобой. Вы вдвоем бредете по холмистой местности под падающим пеплом.

Главная проблема – ребенок. Во-первых, он грязен. Прошлым вечером в темноте ты этого не заметила, но он весь покрыт сухой или подсыхающей грязью, к которой прилипли какие-то веточки и Земле ведомо, что еще. Наверное, его накрыло селом – во время землетрясений такое часто случается. Если так, ему еще повезло, но когда он просыпается и потягивается, ты морщишься от полос грязи и крошек, которые он оставил на твоём спальнике. Минут через двадцать ты осознаешь, что он еще и совершенно голый.

Когда ты спрашиваешь его об этом – и об остальном, – он уклоняется от ответов. Он не настолько большой, чтобы увиливать эффективно – но у него получается. Он не знает имя общины, из которой он родом, или людей, которые вырастили его, которых, вероятно, «не так много». Он говорит, что у него нет родителей. Он не знает своего функционал-имени – прямая ложь, и ты в этом уверена. Даже если его мать и не знала, кто его отец, он унаследовал бы ее функционал-касту. Он мал и, возможно, осиротел, но не настолько мал, чтобы не знать своего места в мире. Куда более малые дети это знают. Уже было всего три, а он знал, что он Инноватор, как и его отец, и потому его игрушки – это книги, инструменты и все, что можно использовать для создания вещей. А еще он знал, что есть вещи, которые он не может обсуждать ни с кем, кроме своей матери, и только наедине. Все, что касается Отца-Земли и *вещей глубоко внизу*, как называл их Уже...

Но ты не готова об этом думать.

Вместо этого ты гадаешь над тайной Хоа, поскольку тут есть о чем подумать. Он приземист, как ты замечаешь, когда он встает – едва ли четыре фута ростом. Но ведет он себя как десятилетний, хотя он тогда или слишком мал для своих лет, или поступает слишком повзрослому для такого тела. Ты думаешь, что скорее последнее, хотя не уверена, почему тебе так кажется. Ты не можешь сказать о нем многого, разве что кожа у него, пожалуй, светлее – там, где он стер грязь, она серо-грязная, а не коричнево-грязная. Так что, возможно, он откуда-то из областей ближе к Антарктике или с западного побережья континента, где люди бледны.

И он здесь, в северо-западном Южном Срединье, одинокий и голый. Ладно.

Может, что-то случилось с его семьей. Может, они сменили общину. Многие поступают так, вырывают свои корни и проводят месяцы и годы, пересекая континент, чтобы напроситься в общину, где они будут торчать, как бледные цветы на сером лугу...

Может быть.

Верно.

Как бы там ни было.

У Хоа льдистые глаза. По-настоящему льдистые. Ты немного испугалась, когда проснулась поутру и он посмотрел на тебя: темная засохшая грязь окружает две серебристо-голубые точки. Он выглядит нечеловечески, но многие люди с такими глазами редко выглядят людьми. Ты слышала, что в Юменесе, в функционал-касте Селектов такие – льдистые глаза – особенно желательны. Санзе нравится, что льдистые глаза пугают и вызывают легкое отвращение. Они такие и есть. Но не это пугает в Хоа.

Во-первых, он неестественно весел. Когда утром, после того как он прицепился к тебе, ты просыпаешься, ты видишь, что он уже встал и радостно играет с твоей трутницей. На лугу нет

ничего, из чего можно было бы развести костер – одна луговая трава, которая вспыхнула бы мгновенно, если бы ты могла найти достаточно сухой травы и, возможно, в процессе устроила бы пал – потому ты не вынимала прошлым вечером трутницы из рюкзака. Но она у него в руках, он что-то беспечно напевает себе под нос, вертя в пальцах кремь, а это значит, что он рылся в твоём рюкзаке. Это не улучшает твоего настроения в этот день. Однако пока ты пакуешься, из головы твоей не выходит образ – ребенок, который явно пережил какую-то катастрофу, сидит голым среди луга, под падающим пеплом – и играет. Даже мычит под нос песенку. А когда видит, что ты проснулась и смотришь на него, улыбается.

Вот потому ты и решила держать его при себе, хотя и думаешь, что он наврал, что не знает, откуда он родом. Потому что. Ладно. Он *ребенок*.

Потому, когда заканчиваешь сборы, ты смотришь на него, а он в ответ смотрит на тебя. Он прижимает к груди узелок, который ты заметила прошлым вечером. Как ты можешь сказать, это что-то, замотанное в рваное тряпье. Узелок чуть дребезжит, когда он стискивает его. Ты можешь сказать, что он чем-то встревожен – его глаза ничего не умеют скрывать. У него огромные зрачки. Он некоторое время вертит его, встает, одной ногой чешет заднюю часть голени.

– Идем, – говоришь ты и снова поворачиваешь в сторону имперского тракта. Ты пытаешься не замечать его тихого дыхания и того, как он через мгновение принаравливается к твоему шагу.

Когда ты снова выходишь на дорогу, по ней группками и нитками идут люди. Почти все направляются на юг. Их ноги взбивают пепел, пока легкий и подобный праху. Он падает большими хлопьями – пока маски не нужны, если кто не забыл, что надо положить их в рюкзак. Какой-то мужчина бредет рядом с раздолбанной телегой и хромой лошады. В телеге пожитки и старики, хотя идущий пешком человек вряд ли сильно моложе. Все они смотрят на тебя, когда ты выходишь из-за холма. Группа из шести женщин, которые сбились вместе ради безопасности, при виде тебя начинают перешептываться – затем одна из них громко говорит другой:

– Ржавь земная, *глянь* на нее!

Возможно, ты выглядишь опасной. Или нежелательной. Или и тем, и другим.

Или, может, их обескураживает вид Хоа, потому ты оборачиваешься к ребенку. Он останавливается, когда останавливаешься ты, у него снова встревоженный вид, и тебе внезапно становится стыдно, что он ходит в таком виде, хотя ты и не просила этого странного ребенка таскаться за собой.

Ты осматриваешься. По ту сторону дороги виднеется ручей. Неизвестно, когда ты доберешься до очередного дорожного дома. Предполагается, что они стоят через каждые двадцать пять миль по имперскому тракту, но волна с севера могла повредить следующий. Теперь вокруг больше деревьев – вы покинули равнины, – но не так много, чтобы можно было как следует укрыться, к тому же многие из них сломаны после землетрясения. Пеплопад немного помогает – видно не дальше чем на милю. Однако ты замечаешь, что равнины вокруг дороги начинают переходить в более суровый ландшафт. Ты знаешь это по картам и по слухам, что за горами Тиримас находится древний, вероятно, закрытый разлом, полоса молодого леса, который вырос после прошлой Зимы, а затем где-то через сотню миль равнины превращаются в солончаки. За ними пустыня, где общин мало, и они сильно разбросаны, и, скорее всего, они куда сильнее защищаются, чем общины в более гостеприимных местностях.

(Вряд ли Джиджа добрался до пустыни. Это было бы глупо – кто там его примет?)

Ты уверена, что есть общины между здешними местами и солончаками. Если привести мальчика в приличный вид, возможно, в одной из них его примут.

– Иди за мной, – говоришь ты и сворачиваешь с дороги. Он идет за тобой по обочине из щебня. Ты замечаешь, насколько некоторые из камней острые, и мысленно добавляешь хорошие ботинки к списку необходимых вещей, которые надо добыть для него. По счастью, он не

порезал пока ноги, хотя в какой-то момент поехал по гравию, упал и покатился по склону. Ты спешишь к нему, когда он останавливается, но он уже сидит, и вид у него рассерженный, поскольку он шлепнулся прямо в грязь возле ручья.

– Давай! – Ты протягиваешь ему руку.

Он смотрит на руку, и в какой-то момент ты с удивлением замечаешь что-то вроде тревоги на его лице.

– Все хорошо, – говорит он, игнорируя твою руку, и встает на ноги. Грязь чавкает у него под ногами. Затем он проскальзывает мимо тебя, чтобы поднять свой тряпичный узелок, который выронил при падении.

Ладно же. Маленький неблагодарный ублюдок.

– Ты хочешь, чтобы я вымылся, – говорит он.

– Как ты догадался?

Похоже, он не замечает сарказма. Положив на каменистый берег свой узелок, он заходит в воду по пояс, затем садится на корточки, пытаясь отдраиться. Ты вспоминаешь и роешься в рюкзаке, пока не находишь там кусок мыла. Он оборачивается на твой свист, и ты бросаешь его ему. Ты морщишься, когда он промахивается, но он тут же ныряет и появляется с мылом в руках. Затем ты смеешься, поскольку он смотрит так, будто никогда такого не видел.

– Тереть кожу? – Ты показываешь, как это делать. Снова сарказм. Но он выпрямляется и чуть улыбается, словно это действительно что-то проясняет для него, и подчиняется.

– И волосы тоже, – говоришь ты, снова роясь в рюкзаке и перемещаясь так, чтобы могла присматривать за дорогой. Некоторые из людей, проходящих по ней, посматривают на тебя с любопытством или неодобрением во взгляде, но большинство даже не смотрят. Оно и лучше.

Ты ищешь свою вторую рубашку. На мальчике она будет как платье, потому ты подшиваешь подол нитками, чтобы он мог подпоясывать ее по бедрам ради скромности и немного согревать торс. Надолго этого, конечно, не хватит. Лористы говорят, что вскоре после начала Зимы похолодает. Надо попробовать в следующем городке купить одежду и еще припасов, если там еще не ввели Зимнего Закона.

Затем мальчик выходит из воды, и ты не можешь отвести взгляд.

Ну, совсем другое дело.

Его отмытые от грязи волосы были пепельно-жесткими, той совершенной противопогодной текстуры, которую так ценили все, в ком была кровь санзе. Они уже начали высыхать и пушиться. По крайней мере, они достаточно длинны, чтобы греть ему спину. Но они *белые*, не пепельные, как обычно. И кожа его белая, не просто светлая. Даже жители Антарктики не так бесцветны, ты таких не видела. Брови над льдистыми его глазами тоже белые. Белые-белые-белые. Когда идет, он почти растворяется в падающем пепле.

Альбинос? Возможно. Но в его лице есть еще что-то. Ты удивляешься, но ты видишь и понимаешь – в нем нет *ничего* от санзе, кроме текстуры волос. В ширине его скул, угловатости подбородка и разрезе глаз есть что-то совершенно чуждое твоему взгляду. У него пухлые губы, но маленький рот, настолько маленький, что тебе кажется, что ему трудно есть, хотя это явно не так, иначе он не дожил бы до таких лет. Еще и малый рост. Он не просто мал, но коренаст, словно его народ создан для других нагрузок, чем тот тип, который в течение тысячелетий культивировали в Старой Санзе. Может, его раса вообще вся такая белая, кем бы он ни был.

Но все это какая-то ерунда. Все расы в мире сейчас в какой-то мере отмечены кровью санзе. В конце концов, они правили Спокойствием много столетий и определенным образом продолжают. И не всегда это время было мирным, так что даже самые изолированные расы носят отпечаток санзе, желали ли их предки такой примеси или нет. Каждый оценивается по стандартным отклонениям от среднего санзе. Однако народ мальчика, кем бы они ни были, умудрился остаться обособленным.

– Что же ты такое, пламень подземный? – говоришь ты, прежде чем тебе приходит в голову, что ты можешь его обидеть. Несколько дней ужаса – и ты забываешь, как обращаться с детьми.

Но мальчик кажется лишь удивленным. Затем он улыбается.

– Пламень подземный? Ты странно говоришь. Я достаточно чист?

Ты настолько ошеломлена, что он называет *странной* тебя, что до тебя не сразу доходит, что он уклонился от ответа.

Ты качаешь головой, затем протягиваешь руку за мылом, которое он отдает тебе.

– Да. Вот.

Ты протягиваешь ему рубашку, чтобы он просунул туда руки и голову. Он делает это, но настолько неуклюже, словно его никогда никто не одевал. Но это легче, чем одевать Уке, по крайней мере, этот мальчик не извивается...

Ты замираешь.

Ты на некоторое время отключаешься. Когда приходишь в себя, небо светлеет, и Хоа лежит, растянувшись, на низкой траве. Прошло не меньше часа. Может, больше.

Ты облизываешь губы и неприветливо смотришь на него, ожидая, что он что-нибудь скажет о твоём... отсутствии. Он просто оживляется, как только видит, что ты вернулась, встает и ждет.

Ладно. В конце концов, вы можете поладить.

После этого вы возвращаетесь на дорогу. Мальчик шагает хорошо, несмотря на отсутствие обуви. Ты внимательно смотришь на него, высматривая признаки хромоты или усталости, и останавливаешься чаще, чем если бы шла одна. Кажется, что он благодарен за эти передышки, но в остальном все хорошо. Настоящий маленький странник.

– Ты не можешь оставаться со мной, – говоришь ты ему, однако, во время одной из ваших остановок. Пусть не слишком надеется. – Я постараюсь найти тебе общину. Мы будем останавливаться в нескольких по дороге, если они откроют ворота для торговли. Но мне надо идти дальше, даже если я найду тебе место. Я ищу одного человека.

– Дочь, – говорит мальчик. Ты застываешь. Проходит мгновение. Мальчик не замечает твоего потрясения. Он поет песенку под нос, гладит свой узелок, как зверька.

– Откуда ты знаешь? – шепчешь ты.

– Она очень сильная. Конечно, я не уверен, что это она, – мальчик смотрит на тебя и улыбается, не замечая твоего взгляда. – Таких, как ты, много идет в этом направлении. В таком случае всегда трудно.

В твоей голове сейчас, наверное, должно быть много вопросов. Однако тебя хватает лишь на то, чтобы задать вслух лишь один.

– Ты знаешь, где моя дочь?

Он снова что-то уклончиво мычит. Ты уверена, что он понимает, насколько безумно все это выглядит. Ты уверена, что под этой невинной маской он смеется в глубине души.

– Откуда?

Он пожимает плечами.

– Просто знаю.

– *Откуда?* – Он не ороген. Ты признала бы своего, будь он орогеном. Орогены могут *выслеживать друг друга, как собаки*, чуя друг друга издалека, как если бы орогения была запахом. Только Стражи способны на подобное, да и то лишь если рогга не обучен или достаточно глуп, чтобы позволить им себя почуять.

Он поднимает глаза, и ты едва удерживаешься, чтобы не вздрогнуть.

– Я просто *знаю*, хорошо? Просто я могу это. – Он отводит взгляд. – Это то, что я всегда умел делать.

Ты удивляешься. Но Нэссун?

Ты готова поверить в любой абсурд, если это поможет тебе ее найти.

– Хорошо, – говоришь ты. Медленно, поскольку это безумие. Ты безумна, но сейчас ты понимаешь, что мальчик, видимо, тоже, а это значит, что тебе следует быть осторожной. Но остается крохотный шанс, что он *не* безумен или его безумие действует именно так, как он говорит...

– Как... как далеко до нее?

– Много дней пути. Она идет быстрее тебя.

Потому, что Джиджа взял телегу и лошадь.

– Нэссун жива.

Теперь приходится после этого замолкнуть. Слишком много чувств, слишком со многим надо справиться. Раск говорил тебе, что Джиджа покинул Тиримо вместе с ней, но ты боялась позволить себе думать о ней как о *живой*. Хотя часть тебя не желала верить, что Джиджа способен убить свою дочь, остальная часть тебя не только верила, но даже *предвкушала* это в какой-то мере. Старая привычка – брать себя в руки в предчувствии боли.

Мальчик кивает, глядя на тебя. Его маленькое личико сейчас странно торжественно. Внезапно запоздало ты осознаешь, что в этом ребенке совсем не так много детского.

Но если он может помочь тебе отыскать дочь, то будь он хоть воплощенным Злом земным, тебе плевать.

Ты роешься в рюкзаке, отыскиваешь флягу, ту, с питьевой водой. Вторую ты наполняешь водой из ручья, но ее сначала надо прокипятить. Сделав глоток, ты, однако, протягиваешь ее мальчику. Когда он кончает пить, ты даешь ему горсть изюма. Он качает головой и отказывается:

– Я не голоден.

– Ты не ел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.